

Бертольт Брехт

В сотрудничестве с Э. Гауптман, К. Вейлем

Трехгрошовая опера

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Макхит , по кличке **Мэкки-Нож** .

Джонатан Джеремиа Пичем , владелец фирмы «Друг нищего».

Селия Пичем , его жена.

Полли Пичем , его дочь.

Браун , шеф лондонской полиции.

Люси , его дочь.

Дженни-Малина .

Смит .

Кимбл , священник.

Филч .

Уличный певец .

Бандиты.

Нищие.

Проститутки.

Констебли.

Пролог

Баллада о Мэкки-Ноже.

Ярмарка в Сохо. Нищие нищенствуют, воры воруют, гулящие гуляют.

Уличный певец (поет).

У акулы — зубы-клинья,
Все торчат, как напоказ,
А у Мэкки — нож, и только,
Да и тот укрыт от глаз.

Если кровь прольет акула,
Вся вода кругом красна!
А у Мэкки — нож, и только,
Не ищи на них пятна.

Как над Темзою-рекою
Косит смерть людей подряд!
Ни при чем чума и оспа:
«Мэкки бродит», говорят.

Если вдруг на Стрэнде людном
Тело мертвое найдешь,
Знай, что ходит где-то рядом
Руки в брюки Мэкки-Нож.

Мейер Шмуль бесследно сгинул,
Мейер Шмуль — богач-старик,
Деньги Мейера у Мэкки
Против Мэкки нет улик.

*Слева направо через сцену проходят, прогуливаясь, **Пичем с женой и дочерью**.*

Нож в груди у Дженни Тайлер.
Содрогнулся стар и млад

Мэкки-Нож с невинным видом
Совершает променад.

И на смерть Альфонса Глайта
До сих пор не пролит свет.
Расспросить бы надо Мэкки,
Но ведь он не скажет, нет.

И пожар в районе Сохо
Семь детишек, старый дед,
А в толпе все тот же Мэкки,
Но его не спросят, нет.

И растленье малолетней,
Той, чье имя здесь вокруг
Всем известно! Как же, Мэкки,
Вам такое сходит с рук?

Проститутки смеются, от них отделяется человек и, пересекая площадь, торопливо уходит.

Дженни-Малина. Вот он — Мэкки-Нож!

Действие первое

I

Ввиду возрастающей человеческой черствости коммерсант Пичем открыл заведение, в котором несчастнейшие из несчастных могли бы приобрести внешность, способную тронуть все более и более ожесточающиеся сердца.

Заведение Джонатана Джереми Пичема .

УТРЕННИЙ ХОРАЛ ПИЧЕМА

Вставай, человеке, вставай,
Бесчинствуй, не тешься досугом!
Увидев, что ты негодяй,
Воздаст тебе бог по заслугам.

Жену продавай ни за грош!
Не брезгай ничем и нигде!
От бога, подлец, не уйдешь:
Заплатишь на Страшном суде.

Пичем (*публике*). Нужно придумать что-то новое. Мое дело слишком сложно, ибо мое дело — это возбуждать человеческое сострадание. Есть вещи, которые могут потрясти человека, их немного, очень немного, но вся беда в том, что, если часто их применять, они перестают действовать. Ибо человек обладает ужасной способностью становиться бесчувственным, когда ему вздумается. Вот и получается, что, впервые увидев на улице нищего с культей вместо руки, испуганный прохожий готов пожертвовать ему десять пенни, во второй раз он ограничится пятью, а в третий, пожалуй, преспокойно позовет полицейского. Точно так же обстоит дело и со средствами духовного воздействия.

С колосников спускается большой щит с надписью: «Давать слаще, чем брать».

Что толку в прекраснейших и проникновеннейших изречениях, даже мастерски намалеванных, если они так быстро изнашиваются? В Библии можно найти четыре — от силы пять — трогательных изречений, но стоит их израсходовать — и ты гол как сокол. Вот, например, плакат «Дающему воздастся» устарел за какие-нибудь несчастные три недели. Хочешь не хочешь — придумывай что-то новое. Тут вся надежда на Библию, но надолго ли ее хватит?

Стук в дверь. Пичем открывает; *входит молодой человек по имени Филч* .

Филч. Пичем и компания?

Пичем. Пичем.

Филч. Вы владелец фирмы «Друг нищего»? Меня к вам послали. Да, вот это плакаты! Это же капитал! У вас, наверно, целая библиотека таких изречений? Вот это я понимаю! Откуда у нашего брата возьмутся идеи? Образования у нас нет, а без него дела не поставишь.

Пичем. Ваше имя?

Филч. Видите ли, господин Пичем, мне с юных лет не везло. Мать у меня была пьянчужка, отец — игрок. С детства предоставленный самому себе, лишенный материнской ласки, я все глубже скатывался в болото большого города. Я не знал ни отцовской заботы, ни семейного уюта. И вот — вы видите перед собой...

Пичем. Я вижу перед собой...

Филч (*смущенно*). ...человека без средств, жертву собственных страстей.

Пичем. Разбившийся о скалы корабль и так далее. Скажите-ка мне, обломок крушения, в каком районе вы исполняете эти детские сказки?

Филч. Не понимаю, господин Пичем.

Пичем. Надеюсь, вы произносите эту речь публично?

Филч. Видите ли, господин Пичем, вчера как раз произошел неприятный случай на Хайлэнд-стрит. Я тихо и грустно, со шляпой в руках, стою на углу, не подозревая ничего дурного...

Пичем (*листая записную книжку*). Хайлэнд-стрит. Совершенно верно. Ты, стало быть, и есть тот мерзавец, которого застукали вчера Хони и Сэм. Ты имел наглость приставать к прохожим в Десятом районе. На первый раз мы ограничились небольшой взбучкой, предположив, что ты действуешь по неведению, но, если ты еще раз сунешься, мы пустим в ход пилу, ясно?

Филч. Позвольте, позвольте! Но что же мне делать, господин Пичем? Эти господа избили меня до полусмерти, а потом вручили мне вашу визитную карточку. Если я сниму пиджак, вы увидите, что я весь в синяках.

Пичем. Ну, друг мой, если для этого нужно еще снять пиджак, значит, мои люди чертовски нерадивы. Этот молокосос воображает, что стоит ему только протянуть лапу, как дела его будут устроены. Интересно, что бы ты запел, если бы лучшую форель из твоего пруда вылавливали соседи?

Филч. Видите, ли, господин Пичем, у меня нет пруда.

Пичем. Так вот, лицензии выдаются только профессионалам. (*С деловитым видом показывает Филчу план города.*) Лондон разделен на четырнадцать районов. Всякий желающий заниматься нищенством в любом из этих районов должен выправить лицензию у Джонатана Джереми Пичема и Ко. Иначе отбоя не будет от жертв собственных страстей.

Филч. Господин Пичем, от полного разорения меня отделяют несколько шиллингов. Имея при себе два шиллинга...

Пичем. Двадцать шиллингов.

Филч. Господин Пичем! (*Умоляющим жестом указывает на плакат: «Не будь глух к чужой беде».*)

Пичем указывает на занавеску, прикрывающую застекленный стенд. На занавеске надпись: «Дающему воздастся».

Десять шиллингов.

Пичем. И пятьдесят процентов выручки еженедельно. С экипировкой семьдесят процентов.

Филч. А в чем состоит экипировка?

Пичем. Это определяет фирма.

Филч. В каком районе смогу я приступить к работе?

Пичем. Бейкер-стрит, 2-104. Это даже дешевле, всего только пятьдесят процентов с экипировкой.

Филч. Прошу вас. *(Дает деньги.)*

Пичем. Ваше имя?

Филч. Чарлз Филч.

Пичем. Правильно. *(Кричит.)* Госпожа Пичем!

Входит госпожа Пичем .

Это Филч. Номер триста четырнадцать. Район Бейкер-стрит. Я сам регистрирую. Понимаю, почему вы приступаете к делу перед самой коронацией: эти торжества — единственный в жизни случай более или менее прилично заработать. Экипировка В. *(Отдергивает занавеску, открывая стенд, внутри которого видны пять восковых манекенов.)*

Филч. Что это такое?

Пичем. Это пять основных типов убожества, способных тронуть человеческое сердце. При виде их человек приходит в то противоестественное состояние, в котором он готов расстаться с частью своих денег.

Экипировка А: жертва развивающегося транспорта. Веселый калека *(демонстрирует)*, всегда жизнерадостный, всегда беззаботный. Впечатление усиливает культя руки.

Экипировка Б: жертва военного искусства. Нервная дрожь на почве контузии. Докучает прохожим. Работает на отвращении. *(Демонстрирует.)* Отталкивающее впечатление ослабляют нагрудные знаки.

Экипировка В: жертва промышленного подъема. Несчастный слепец, или высшая школа нищенства. *(Неуверенной походкой слепого шагает прямо на Филча. Подходит к нему вплотную.)*

Филч в ужасе вскрикивает.

(Тотчас же прекратив демонстрацию, удивленно глядит на Филча и неожиданно кричит.) Он сердобольный! Из вас же никогда в жизни не выйдет нищего! Быть прохожим — это для вас предел! Стало быть, экипировка Г. Селия, ты опять пила! Ты ничего не соображаешь. Сто тридцать шестой жаловался на свою ветошь. Сколько раз я тебе говорил, что джентльмен не станет носить грязную одежду. Сто тридцать шестой заплатил за совсем новый костюм. Для возбуждения жалости надо было только растопить стеариновую свечку и нанести несколько пятен. Ни о чем ты не думаешь! Все приходится делать самому! *(Филчу.)* Раздевайся и надень вот это, только смотри, носи аккуратно!

Филч. А что будет с моими вещами?

Пичем. Они переходят в собственность фирмы. Экипировка Д: молодой человек, выдавший лучшие дни или, если угодно, никак не думавший, что дойдет до жизни такой.

Филч. Ах вот как, вы это используете? Но почему бы мне самому не выступить с историей о лучших днях?

Пичем. Потому что человеку никто не верит, когда он жалуется на собственные горести, сын мой. Если у тебя болит живот, и ты будешь каждому это сообщать, всем станет противно, только и всего. И вообще, тебе не положено задавать вопросы, надевай это барахло, и дело с концом.

Филч. По-моему, оно немного грязновато.

Пичем пронзает его взглядом.

Простите, ради бога, простите.

Госпожа Пичем. Поторопись-ка, сынок. Я не собираюсь стоять с твоими штанами до второго пришествия.

Филч *(с неожиданной горячностью)*. Имейте в виду, ботинок я не сниму! Ни в коем случае. Лучше я вообще откажусь. Это единственный подарок моей бедной матери, и, как бы низко я ни пал, я ни за что...

Госпожа Пичем. Не болтай глупости, я же знаю, что у тебя грязные ноги.

Филч. А где же мне и мыть их? Зимой-то!

Госпожа Пичем уводит его за ширму, потом садится в левой части сцены и проделывает манипуляцию с костюмом, стеарином и утюгом.

Пичем. Где твоя дочь?

Госпожа Пичем. Полли? Наверху!

Пичем. Вчера этот человек снова был здесь? Он приходит всегда, когда меня нет дома!

Госпожа Пичем. Не будь таким подозрительным, Джонатан. Лучшего джентльмена не найдешь. Господин капитан равнодушен к нашей Полли.

Пичем. Вот как.

Госпожа Пичем. И если у меня есть хоть на пенни ума, то Полли тоже находит его очень милым.

Пичем. Селия, ты швыряешься своей дочерью так, словно я миллионер! Уж не хочешь ли ты выдать ее замуж? Да ведь если эти мерзавцы, наши клиенты, будут видеть только наши ноги, лавчонка не протянет и недели. Жених! Вот кто сразу же приберет нас к рукам! Еще бы! Неужели ты думаешь, что в постели твоя дочь будет держать язык за зубами лучше, чем ты?

Госпожа Пичем. Ты, оказывается, прекрасного мнения о собственной дочери!

Пичем. самого скверного. самого низкого. сплошная чувственность, и больше ничего!

Госпожа Пичем. Ну, это уж у нее не от тебя.

Пичем. Ишь ты, замуж захотела! Моя дочь должна быть для меня тем же, что хлеб для голодного. *(Листает Библию.)* Это сказано даже где-то в Библии. Замужество вообще ужасное свинство. Я выбью замужество у нее из головы.

Госпожа Пичем. Джонатан, ты просто неуч.

Пичем. Неуч! Как же его зовут, этого господина?

Госпожа Пичем. Все называют его «капитан».

Пичем. Вот как, вы даже не узнали его имени? Интересно!

Госпожа Пичем. Разве мы невежи, чтобы требовать у него метрику, если он такой деликатный и приглашает нас в отель «Каракатица» на танцевальный вечер?

Пичем. Куда?

Госпожа Пичем. В «Каракатицу», на танцевальный вечер.

Пичем. Капитан? «Каракатица»? Так-так-так...

Госпожа Пичем. Иначе как в белых перчатках этот господин ни ко мне, ни к моей дочери не прикасался.

Пичем. Белые перчатки!

Госпожа Пичем. Между прочим, он в самом деле никогда не снимает перчаток, белых лайковых перчаток.

Пичем. Так-так. Белые перчатки, трость с набалдашником слоновой кости, гетры, лакированные ботинки, сплошное обаяние и шрам...

Госпожа Пичем. На шее. Откуда ты его знаешь?

Филч выходит из-за ширмы.

Филч. Господин Пичем, нельзя ли подобрать для меня какой-нибудь текст? Я во всем люблю систему. Молоть что попало — это не по мне.

Госпожа Пичем. Ему нужна система, скажите пожалуйста!

Пичем. Он будет изображать идиота. Придешь сегодня вечером в шесть часов. Тебя подучат. Катись!

Филч. Большое спасибо, господин Пичем, тысяча благодарностей. *(Уходит.)*

Пичем. Пятьдесят процентов! Ну а теперь я тебе скажу, кто этот господин в перчатках. Это Мэкки-Нож! *(Бежит по лестнице в спальню Полли.)*

Госпожа Пичем. Боже мой! Мэкки-Нож! Иисусе! Приди, Иисусе, будь гостем нашим! Полли! Что с Полли?

Пичем медленно возвращается.

Пичем. Полли? Полли не приходила домой. Постель не смята.

Госпожа Пичем. Наверно, она ужинала с этим мануфактурщиком. Ну конечно же, Джонатан!

Пичем. Дай бог, чтобы это оказался мануфактурщик!

Занавес опускается.

Господин и госпожа Пичем выходят к рампе и поют. Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ПЕСЕНКА «НЕ ХОТЯТ»

1

Пичем.

Не хотят
Оставаться дома и идти бай-бай.
Жаждут услад,
Говорят: «Скорее радость жизни подавай!»

Госпожа Пичем.

И вот вам луна над Сохо,
И шепот проклятый: «Милый, прижмись же ко мне!»
И старая песня: «Куда ты, туда и я с тобой, Джонни»,
И любви начало, и встречи при луне!

2

Пичем.

Не хотят
Жить с умом, как у людей заведено.
Вкусив услад,
Опускаются, естественно, на дно.

Оба.

И где же их луна над Сохо?
Где шепот проклятый: «Милый, прижмись же ко мне»?

Где старая песня: «Куда ты, туда и я с тобой,
Джонни»,
Когда любовь ушла, а ты уже на дне?

II

В трущобах Сохо бандит Мэкки-Нож справляет свадьбу с
Полли Пичем, дочерью короля нищих.

Пустая конюшня.

Маттиас (*по кличке Монета, освещает конюшню; в руке у него револьвер*).
Эй, руки вверх, кто здесь есть!

Входит Макхит и шагает вдоль рампы.

Мак. Есть кто-нибудь?

Маттиас. Ни души! Здесь можно спокойно сыграть свадьбу.

Полли (*входит в подвенечном платье*). Но ведь это же конюшня!

Мак. Присядь пока на ясли, Полли. (*К публике.*) В этой конюшне состоится сегодня моя свадьба с девицей Полли Пичем, которая выходит за меня по любви и согласна быть моей подружкой жизни.

Маттиас. В Лондоне будут говорить, что это самая смелая твоя выходка. Ты увел из дому единственное дитя господина Пичема.

Мак. Кто такой господин Пичем?

Маттиас. Послушать его, так он беднейший человек в Лондоне.

Полли. Не здесь же нам праздновать свадьбу! Это же просто-напросто конюшня. Разве можно пригласить сюда господина пастора? К тому же и конюшня-то не наша. Нехорошо начинать новую жизнь со взлома, Мак! Это же лучший день в нашей жизни.

Мак. Дитя мое, все будет как тебе хочется. Ни о чем не беспокойся. Обстановку мы создадим.

Маттиас. Вот и мебель привезли.

Слышно, как подъезжают грузовики. Несколько мужчин втаскивают ковры, мебель, посуду и т. п., превращая конюшню в роскошное помещение.

Мак. Рухлядь.

*Сложив в левой части сцены подарки, вошедшие поздравляют **невесту** и отчитываются перед **женихом**.*

Джекоб (по кличке *Крючок*). Поздравляю! На Джиндер-стрит, четырнадцать, во втором этаже были люди. Пришлось их сначала выкурить.

Роберт (по кличке *Пила*). Поздравляю. На Стрэнде кокнули констебля.

Мак. Дилетанты.

Эд. Мы сделали все что могли, но в Вест-Энде никак нельзя было спасти трех человек. Поздравляю.

Мак. Дилетанты и пачкуны.

Джимми. Одного старика пришлось малость побеспокоить. Думаю, что выживет. Поздравляю.

Мак. Я же сказал: избегать кровопролития. Как подумаешь о крови — тошно становится. Из вас никогда не выйдет деловых людей! Каннибалы вы, а не деловые люди!

Уолтер (по кличке *Плакучая Ива*). Поздравляю. Еще полчаса назад, сударыня, этот клавесин принадлежал герцогине Сомерсетширской.

Полли. Что это за мебель?

Мак. Нравится ли тебе мебель, Полли?

Полли (*плачет*). Бедняги! Из-за какой-то несчастной мебели.

Мак. И это называется мебель! Рухлядь! Ты совершенно права, что сердешься. Клавесин красного дерева и диван в стиле ренессанс. Это же непростительно. А где стол?

Уолтер. Стол?

Кладут несколько досок на ясли.

Полли. Ах, Мак! Я так несчастна! Хоть бы уж господин пастор не приходил.

Маттиас. Придет конечно. Мы ему точно объяснили дорогу.

Уолтер. Вот и стол!

Мак (*видя, что Полли плачет*). Моя жена вне себя. А где же еще стулья? Клавесин есть, а стульев нет? Ни о чем вы не думаете. Так ли уж часто я праздную свою свадьбу? Заткнись, Плакучая Ива! Я хочу сказать: так ли уж часто я на вас полагаюсь? И в первый же день вы огорчаете мою жену.

Эд. Милая Полли...

Мак (*сшибает у него с головы шляпу*). «Милая Полли»! Я тебе покажу «милую Полли», дерьмо! Я тебе голову проломлю. Ишь ты, «милая Полли»! Ты, может, спал с ней?

Полли. Как тебе не стыдно, Мак!

Эд. Клянусь вам...

Уолтер. Сударыня, если чего из мебели не хватает, мы еще раз...

Мак. Клавесин красного дерева и ни одного стула. (*Смеется.*) Ты, невеста, как тебе это нравится?

Полли. Право же, это не самое страшное.

Мак. Два стула и диван. А новобрачные, выходит, пускай садятся на пол!

Полли. Ну и ну!

Мак (*резко*). Отпилить ножки у этого клавесина! Живо!

Четыре бандита (*отпиливают ножки клавесина и поют*).

Билли Лоджин и Мэри Сайер
Поженились — только и всего!
Дай им бог счастливого житья-бытья!
Но, придя оформляться в магистрат,
Сам не знал он, чей был на ней наряд,
А она не знала толком имени его.
Ура!

Уолтер. Вот видите, сударыня, как хорошо: получилась отличная скамья!

Мак. Я попросил бы джентльменов сбросить эти гнусные лохмотья и привести себя в пристойный вид. В конце концов, здесь не чья-то свадьба, а моя. А тебя, Полли, я попросил бы заняться жратвой. Она в корзинах.

Полли. Это свадебный ужин? Неужели все это краденое, Мак?

Мак. Разумеется, разумеется.

Полли. Хотела бы я знать, что ты будешь делать, если сейчас постучат в дверь, и войдет шериф?

Мак. Тогда ты увидишь, что делает твой муж в таких случаях.

Маттиас. Сегодня это совершенно исключено. Вся конная полиция сейчас в Давентри, сопровождает королеву. В пятницу коронация. *(Уходит в глубину сцены с остальными бандитами.)*

Полли. Два ножа и четырнадцать вилок! На каждый стул по ножу.

Мак. Ну и сапожники! Разве это работа зрелых мастеров? Это же ученическая мазня. Вы понятия не имеете о стиле. Надо уметь отличать Чиппендейл от Людовика Четырнадцатого.

Бандиты возвращаются. На них фраки или смокинги. К сожалению, однако, их осанка и жесты не соответствуют элегантной одежде.

Уолтер. Мы, собственно, хотели взять самые ценные вещи. Погляди-ка на дерево! Материал высший сорт.

Маттиас. Тсс! Тсс! Разрешите, капитан...

Мак. Полли, поди-ка сюда.

Жених и невеста чинно становятся рядом, готовясь выслушать поздравительную речь.

Маттиас. Разрешите, капитан, в этот счастливейший для вас день, знаменующий расцвет, то есть я хотел сказать — поворотный, пункт вашей жизни, передать вам самые горячие и вместе с тем самые искренние поздравления и так далее. С души воротит от этого напыщенного тона. Одним словом *(пожимает жениху руку)*, выше голову, старина!

Мак. Благодарю тебя, Маттиас, очень мило с твоей стороны.

Маттиас *(растроганный, обнимает Мака и жмет руку Полли)*. Да-да, это голос сердца! Итак, не вешать голову, старик, иными словами *(ухмыляется)*, пусть головка не опускается.

*Гости оглушительно хохочут. Внезапно **Мак** делает едва заметное движение, и **Маттиас** падает.*

Мак. Заткнись. Оставь свою похабщину для Китти. Твоей шлюхе это придется по вкусу.

Полли. Мак, не будь таким вульгарным.

Маттиас. Я протестую: ты назвал Китти шлюхой... *(С трудом поднимается.)*

Мак. Ах вот как, ты протестуешь?

Маттиас. И вообще по ее адресу я не говорю сальностей. Я слишком уважаю Китти. Где тебе это понять! Ты-то как раз и не можешь обойтись без похабщины. Думаешь, Люси мне не рассказывала, какие гадости ты ей говорил! Да я по сравнению с тобой просто лорд.

Мак пристально смотрит на него.

Джекоб. Хватит, хватит, здесь же свадьба.

Бандиты отводят Маттиаса в сторону.

Мак. Как тебе нравится такая свадьба, Полли? В день своего бракосочетания ты видишь вокруг себя столько дерьма. Ты, наверно, никак не думала, что друзья твоего мужа могут так его подвести! Пусть это послужит тебе уроком.

Полли. По-моему, все очень мило.

Роберт. Вздор. Никто никого не подводит. Расхождение во мнениях всегда может случиться. Твоя Китти ничем не хуже любой другой. А теперь доставай свой подарок.

Все. Давай, давай!

Маттиас (обиженно). Пожалуйста.

Полли. Ах, свадебный подарок! Очень мило с вашей стороны, господин Маттиас-Монета. Посмотри, Мак, какая чудная ночная рубашка!

Маттиас. Может быть, это тоже похабщина, капитан?

Мак. Ладно, хватит. Я же не хотел тебя обидеть — в такой-то день.

Уолтер. Ну а это? Чиппендейл! *(Снимает покрывало с огромных стоячих часов в стиле Чиппендейл.)*

Мак. Людовик.

Полли. Великолепные часы. Я так счастлива. Я не нахожу слов. Вы просто невероятно любезны. Жаль, что у нас нет квартиры, правда, Мак?

Мак. Считай, что это только начало. Лиха беда — начало. Большое спасибо, Уолтер. Ну довольно, уберите барахло. Ужин!

Джекоб *(в то время как другие уже заняты сервировкой)*. Я, конечно, опять пришел с пустыми руками. *(С жаром, к Полли.)* Поверьте, сударыня, мне это очень неприятно.

Полли. Это не имеет никакого значения, господин Джекоб-Крючок.

Джекоб. Ребята швыряются подарками, а я один стою как дурак. Войдите в мое положение. Каждый раз со мной такая история. Я могу вам назвать сколько угодно таких случаев! Вы просто глаза вытаращите. Вот недавно встретил я Дженни-Малину. Ну, говорю, старая потаскуха... *(Увидев, что за спиной его стоит Мак, молча удаляется.)*

Мак *(усаживает Полли)*. В такой день, Полли, ты будешь кушать лучшие блюда. Прошу!

Все садятся.

Эд *(указывая на сервиз)*. Красивые тарелки. Гостиница «Савой».

Джекоб. Яйца под майонезом от Селфриджа. Предполагалась еще целая банка паштета из гусиной печени. Но Джимми сожрал его по дороге — со злости, потому что в банке оказалась дырка.

Уолтер. В приличном обществе не говорят «дырка».

Джимми. Не набрасывайся на яйца, Эд. В такой-то день!

Мак. Хорошо бы спеть. Что-нибудь этакое благолепное.

Маттиас *(давится от смеха)*. Благолепное? Шикарно сказано. *(Осекся под уничтожающим взглядом Мака.)*

Мак *(вышибает у соседа блюдо из рук)*. Я, собственно, не хотел сразу приступить к ужину. Вы так и навалились на жратву, а я предпочел бы сначала создать надлежащее настроение. У людей в такие дни обычно что-нибудь устраивают.

Джекоб. Что, например?

Мак. Неужели мне все самому придумывать? Я не требую от вас оперы. Но что-нибудь кроме жратвы и похабщины вы, ей-богу же, могли бы подготовить. Да что там говорить, в такие дни только и видишь, как ни в чем нельзя полагаться на друзей.

Полли. Лососина превосходная, Мак.

Эд. Да, такой вам еще не приходилось жевать. У Мэки-Ножа она не переводится. Вы будете кататься как сыр в масле. Я всегда говорил, что Мак

лучшая партия для девушки, у которой есть высокие идеалы. Это я вчера еще говорил Люси.

Полли. Люси? Кто такая Люси, Мак?

Джекоб (*смущенно*). Люси? Ах, знаете, это не нужно принимать всерьез.

Маттиас *выходит из-за стола и, встав за спиной Полли, делает Джекобу отчаянные знаки, чтобы тот замолчал.*

Полли (*заметив жестикуляцию Маттиаса*). Передать вам что-нибудь? Может быть, соль?.. Простите, вы хотите что-то сказать, господин Джекоб?

Джекоб. О нет, ничего, ничего. Если я чего-то и хотел, то именно ничего не сказать. А то еще сболтнешь лишнее.

Мак. Что у тебя в руке, Джекоб?

Джекоб. Нож, капитан.

Мак. А что у тебя на тарелке?

Джекоб. Форель, капитан.

Мак. Стало быть, ты режешь форель ножом, так, что ли? Это же неслыханно, Джекоб. Ты видела что-либо подобное, Полли? Он режет рыбу ножом! Так поступают только хамы, ты понял меня, Джекоб? Учись хорошим манерам. Ты еще намучишься с ними, Полли. Не так-то просто сделать из этих скотов людей, умеющих вести себя в приличном доме. Да знаете ли вы вообще, что такое приличный дом?

Уолтер. Приличный дом или публичный дом?

Полли. Фи, господин Уолтер!

Мак. Значит, вы не желаете петь, чтобы как-то украсить этот день? Пускай, значит, день моей свадьбы будет таким же скучным и нудным, как всякий другой? И вообще — почему никто не стоит у дверей? Может быть, мне самому сегодня стать у дверей, чтобы вы спокойно набивали себе брюхо за мой счет?

Уолтер (*ворчливо*). Что значит — «за мой счет»?

Джимми. Перестань, Уолтерчик! Так и быть, я выйду. Какой дьявол сюда придет! (*Выходит.*)

Джекоб. Вот была бы потеха, если бы в такой день всех гостей застучали!

Джимми (*вбегая*). Эй, капитан, шухер!

Уолтер. Пантера-Браун!

Маттиас. Глупости, это его преподобие Кимбл!

Входит Кимбл.

Все (*орут*). Добрый вечер, ваше преподобие!

Кимбл. Ну наконец-то я вас нашел! Я нашел вас в скромной хижине. Но зато вы сидите под собственной крышей.

Мак. Герцога Девонширского.

Полли. Здравствуйте, ваше преподобие. Ах, как я счастлива, что в прекраснейший день моей жизни его преподобие...

Мак. А теперь я прошу отметить прибытие его преподобия небольшой кантатой.

Маттиас. Что вы скажете о «Билле Лоджине и Мэри Сайер»?

Джекоб. «Билли Лоджин» — это, пожалуй, подойдет.

Кимбл. Ну-ка, затащите, ребята!

Маттиас. Начнем, господа.

Трое мужчин (*поднимаются и нерешительно, слабыми, неверными голосами поют*).

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ ДЛЯ БЕДНЯКОВ

Билли Лоджин и Мэри Сайер
Поженились — только и всего!
Дай им бог счастливого житья-бытья!
Но, придя оформляться в магистрат,
Сам не знал он, чей был на ней наряд,
А она не знала толком имени его.
Ура!

Ты в жене своей уверен? Нет!
Верность ей хранить намерен? Нет!
Дай им бог счастливого житья-бытья!
Билли Лоджин говорит: она
Целиком мне вовсе не нужна! Свинья.
Ура!

Мак. И это все? Убожество!

Маттиас (*снова давится от смеха*). Убожество — вот верное слово, господа. Именно убожество.

Мак. Заткнись!

Маттиас. Я хочу сказать — нет подъема, нет огня и тому подобное.

Полли. Господи, если никто не хочет выступить, я, пожалуй, сама покажу вам один пустячок. Я попробую изобразить девушку, которую мне случилось однажды видеть в небольшом кабаке. Знаете, такие четырехпенсовые кабаки в Сохо. Девушка эта была судомойкой. И, понимаете, все над ней смеялись. А она в ответ говорила гостям такие вещи — вот вы сейчас услышите какие. Представьте себе, что это стойка — грязная-прегрязная стойка, за которой проходит весь ее день. Это ведро, в котором она полощет, а это — тряпка, которой она вытирает стаканы. Там, где вы сидите, сидели мужчины, которые над ней смеялись. Вы тоже можете смеяться, чтобы было совсем похоже. А если не сможете смеяться, — не надо. (*Тихо напевая без слов, моет воображаемые стаканы.*) А теперь кто-нибудь из вас (*указывая на Уолтера*), ну, например, вы, пусть скажет: «Когда же наконец придет твой корабль, Дженни?»»

Уолтер. Когда же наконец придет твой корабль, Дженни?

Полли. А кто-нибудь другой, например, вы, пусть скажет: «Ты все еще моешь стаканы, Дженни, пиратская невеста?»»

Маттиас. Ты все еще моешь стаканы, Дженни, пиратская невеста?

Полли. Ну вот, а теперь я начинаю.

Особый золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ПИРАТКА ДЖЕННИ

1

Стаканы я мою здесь, господа,
И вам на ночь стелю постели,
И вы пенни мне даете, — вы в расчете со мной,
И, мои лохмотья видя и такой трактир дрянной,
Как вам знать, кто я на самом деле?

Но настанет вечер, и крик раздастся с причала,
И вы спросите: «Что это за крик?»
И когда я засмеюсь, вы удивитесь:
Почему смеюсь я в этот миг?
И у пристани станет
Сорокаорудийный
Трехмачтовый бриг.

2

«Эй, вытри стаканы!» — мне говорят
И пенни суют, подгоняя.
И монетку беру я, и постели стелю.
(Вам в ту ночь на тех постелях не уснуть и во хмелю,
Если б знали вы, кто я такая!)

Но настанет вечер — и гул раздастся с причала,
И вы спросите: «Что стрястись могло?»
И воскликнете, лицо мое увидев:
«Боже, как она смеется зло!»
И ударит из пушек
Сорокаорудийный
Трехмачтовый бриг.

3

Невесело станет вам, господа!
Будут стены, треща, валиться.
И сровняется за ночь весь ваш город с землей.
Уцелеет от обстрела лишь один трактир дрянной,
И все спросят: «Кто сумел там скрыться?»

Не умолкнет гомон до рассвета у трактира.
«Чье же это — будут спрашивать — жилье?»
И, увидев, как я выйду рано утром,
Закричат: «Они щадят ее!»
И поднимет свой вымпел
Сорокаорудийный
Трехмачтовый бриг.

А в полдень матросы с судна сойдут,
 Чтобы суд справедливый править.
 И куда бы вы ни скрылись, вас матросы найдут
 И ко мне, связав покрепче канатами, приведут,
 И кого ж мне из вас обезглавить?

Будет в этот полдень тишина вблизи причала,
 И отвечу я: «Казните всех подряд!»
 И под возгласы «гопля» и прибаутки
 Будут головы катиться с плеч.
 И умчится со мною
 Сорокаорудийный
 Трехмачтовый бриг.

Маттиас. Очень мило. Забавно, правда? Ишь ты, как здорово спела!

Мак. Что значит — «мило»? При чем тут «мило», идиот? Это же искусство, а ты лезешь со своим «мило». У тебя это великолепно получилось, Полли. Но разве такая шваль — простите, ваше преподобие, — разве такие люди что-нибудь понимают? (*Тихо, к Полли.*) Между прочим, мне не нравится такое кривлянье, пожалуйста, имей это в виду на будущее.

За столом начинают громко смеяться. Банда потешается над священником

Что у вас в руках, ваше преподобие?

Джекоб. Два ножа, капитан.

Мак. А что у вас на тарелке, ваше преподобие?

Кимбл. Лососина, кажется.

Мак. Вот как. Значит, вы режете лососину ножом?

Джекоб. Слыханное ли дело — жрать лососину с ножа; кто так поступает, тот просто...

Мак. Свинья. Ты понял меня, Джекоб? Учись.

Джимми (вбегая). Эй, капитан, шухер! Сам шериф.

Уолтер. Браун, Пантера-Браун!

Мак. Да, Пантера-Браун, совершенно верно. Не кто иной как Пантера-Браун, главный шериф Лондона, столп английской полиции, войдет сейчас в жалкую хижину капитана Макхита. Учитесь!

Бандиты прячутся.

Джекоб. Это же верная виселица.

Входит Браун .

Мак. Хелло, Джекки!

Браун. Хелло, Мэки! У меня мало времени, я на минутку. Неужели нельзя было обойтись без чужой конюшни? Это же снова взлом!

Мак. Очень уж удобно она расположена, Джекки. Рад, что ты не забываешь своего Мака и пришел на свадьбу к старому другу. Сейчас я познакомлю тебя с моей супругой, урожденной Пичем. Полли, это Пантера-Браун. Ну как, старина? *(Хлопает его по плечу.)* А это мои друзья, Джекки, с ними ты, наверно, уже встречался.

Браун *(с неудовольствием).* Я же здесь с частным визитом, Мак.

Мак. Они тоже. *(Зовет их.)*

Бандиты выходят из своих укрытий с поднятыми руками.

Эй, Джекоб!

Браун. Это Джекоб-Крючок. Мерзавец!

Мак. Вот Джимми, вот Роберт, вот Уолтер!

Браун. Ну ладно, на сегодня забудем об этом.

Мак. Вот Эд, вот Маттиас!

Браун. Садитесь, господа, садитесь!

Все. Благодарим вас, сударь.

Браун. Рад познакомиться с очаровательной супругой моего старого друга Мака.

Полли. Вы мне льстите, сударь!

Мак. Садись, старая посуда, и бери курс на виски! Полли, господа! Вот перед вами человек, которого неисповедимая воля короля возвысила над прочими людьми и который тем не менее остался моим другом среди всех бурь и треволнений и так далее. Вы знаете, кого я имею в виду, и ты тоже знаешь это,

Браун. Ах, Джекки, помнишь ли ты, как мы служили в Индии. Ты солдат и я солдат. Давай-ка споем солдатскую песню, Джекки!

Оба садятся на стол. Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Мак и Браун.

1

И Джон завербован, и Джимми взят,
И Джорджи в сержантском званье.
Но армия не спросит: «Кто ты, солдат?»
У армии есть задание.

От Гибралтара
До Пешавара
Пушки — подушки нам.
Если же новая
Желтая, лиловая,
Черного окраса
Попадетя раса,
Из нее мы сделаем бифштекс. Трам-там.

2

Джонни мечтал раздобыть одеял,
Джимми от теплого виски тошнило.
Но Джорджи обоим напоминал.
Что не люди они, а живая сила.

От Гибралтара
До Пешавара
Пушки — подушки нам.
Если же новая
Желтая, лиловая,
Черного окраса

Попадется раса,
Из нее мы сделаем бифштекс. Трам-там.

3

И Джонни умер, и Джимми нет,
И без вести сгинул бедняга Джорджи.
Но у крови по-прежнему тот же цвет
И порядок вербовки тот же!

Сидят на столе, но ноги их маршируют.

От Гибралтара
До Пешавара
Пушки — подушки нам.
Если же новая
Желтая, лиловая,
Черного окраса
Попадется раса,
Из нее мы сделаем бифштекс. Трам-там.

Мак. Хотя ураган жизни разметал друзей юности, хотя наши профессиональные интересы различны, пожалуй, даже диаметрально противоположны, наша дружба выдержала все испытания. Пусть это будет вам уроком! Кастор и Поллукс, Гектор и Андромаха и так далее. Не было случая, чтобы я, простой грабитель, — вы меня понимаете — вернулся с добычей и не передал части ее, солидной части, своему другу Брауну в знак и свидетельство моей неизменной верности. Не было также случая — вынь нож изо рта, Джекоб, не было также случая, чтобы он, всемогущий шеф полиции, назначил облаву, не известив об этом друга своей юности, то есть меня. Ну и так далее, в конце концов, у нас все основано на взаимности. Учитесь! (*Берет Брауна под руку.*) Да, Джекки, я рад, что ты пришел, ты поступил как истинный друг.

Пауза. Браун озабоченно разглядывает ковер.

Настоящий ширазский.

Браун. Фирма «Ковры Востока».

Мак. Да, мы обычно все берем оттуда. Знаешь, Джекки, сегодня я не мог тебя не позвать. Надеюсь, что, несмотря на твою должность, моя просьба тебе не в тягость.

Браун. Ты же знаешь, Мак, что я тебе ни в чем не могу отказать. Мне надо идти, у меня столько дел; если во время коронации хоть что-нибудь случится...

Мак. Знаешь, Джекки, мой тесть — отвратительный старый мерин. Если он начнет на меня капать... Скажи, Джекки, в Скотленд-Ярде есть на меня материал?

Браун. В Скотленд-Ярде нет на тебя материала.

Мак. Естественно.

Браун. Я же все устроил. Спокойной ночи.

Мак (бандитам). Может быть, вы встанете?

Браун (к Полли). Всего доброго!

Браун уходит, Мак его провожает.

Джекоб (до сих пор он беседовал с Маттиасом, Уолтером и Полли).

Признаюсь, у меня возникли кое-какие опасения, когда сказали, что идет Пантера-Браун.

Маттиас. Видите, сударыня, мы связаны с крупными представителями власти.

Уолтер. Да, у Мака всегда найдется козырь, о котором наш брат и не подозревает. Но у нас тоже кое-что есть про запас. Господа, уже половина десятого.

Маттиас. Сейчас мы покажем гвоздь программы.

Все устремляются в левую часть сцены, за ковер, скрывающий какой-то предмет. Входит Мак .

Мак. В чем дело?

Маттиас (из-за ковра). Еще один небольшой сюрприз, капитан.

Стоя за ковром, они тихо, но с чувством поют песню о Билле Лоджине. Когда они доходят до слов «имени его», Маттиас срывает ковер, и они начинают петь во весь голос, хлопая по кровати, которая теперь видна Маку, Полли и публике.

Мак. Благодарю вас, друзья, благодарю.

Уолтер. Ну а теперь гости потихоньку удалятся.

Все уходят.

Мак. Итак, пора отдать должное чувствам. Нельзя замыкаться в своей профессии. Сядь, Полли! Видишь, какая луна над Сохо?

Музыка.

Полли. Вижу. Милый, прижмись ко мне.

Мак. Хорошо, милая.

Полли. Куда ты, туда и я с тобой.

Мак. Где бы мы ни были, мы будем вместе.

Оба.

Свидетельства нам не давал магистрат.
Не были мы с тобой под венцом,
И чем ты платила за брачный наряд,
Не знаю — и дело с концом.

Тарелку долой, коль закончен обед!
Что толку в ней с этих пор?
В любви существуют лишь «да» и «нет».
А все остальное — вздор!

III

Для Пичема, знающего, как сурова жизнь, потеря дочери означает полное разорение.

Заведение Пичема . В правой части сцены Пичем и госпожа Пичем . У двери Полли в пальто и шляпе. В руках у нее дорожная сумка.

Госпожа Пичем. Вышла замуж? Ты увешиваешь ее спереди и сзади платьями, шляпами, зонтиками и перчатками, а когда эта девочка стоит уже не меньше, чем добрая яхта, она сама летит на помойку, как гнилой огурец. Ты в самом деле вышла замуж?

*Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается
трехламповый светильник. На щитах надпись:*

**ПЕСЕНКА, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОЙ ПОЛЛИ ДАЕТ ПОНЯТЬ
РОДИТЕЛЯМ, ЧТО ОНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА
БАНДИТА МАКХИТА**

Полли.

1

Когда я невинной девчонкой была
Я была ею так же, как вы,
Я думала: если появится он,
Не должна я терять головы.

И пусть богат он,
И пусть любезен,
И даже в будни прилично одет,
И пусть он знает, как вести себя с дамой,
Все равно я отвечу: «Нет».

Я останусь холодна и неприступна,
Я останусь равнодушна в ответ.
Ну конечно, может быть вполне,
Прокачусь я с ним на лодке при луне.
Но не больше, нет, нет, нет.

Не годится просто так ложиться,
Нужно дать холодности обет.
Ведь чего тут только не случится,
Если вовремя не скажешь: «Нет».

2

Из Кента явился мой первый жених,
Красив был — я знаю сама.
У второго было три парохода.

Третий был от меня без ума.

И каждый богат был,
И каждый — любезен,
И даже в будни прилично одет,
И знали твердо, как вести себя с дамой,
Но всем я ответила: «Нет!»

Я осталась холодна и неприступна,
Я осталась равнодушна в ответ.
Ну конечно, быть могло вполне,
Что катались мы на лодке при луне,
Но не больше, нет, нет, нет.

Ведь нельзя же просто так ложиться,
Я дала холодности обет.
Да, клянусь, тут все могло случиться,
Но на все я отвечала: «Нет».

3

Но в один прекрасный, безоблачный день
Тот пришел, кто меня не просил,
И повесил он свой плащ у меня в каморке,
И в себе не нашла я сил.

И не был богат он,
И не был любезен,
И даже в праздник был скверно одет,
И не умел совсем вести себя он с дамой,
Но я ему не сказала: «Нет».

Не осталась холодна и неприступна,
Не осталась равнодушна в ответ.
Так и не пришлось ни разу мне
Покататься с ним на лодке при луне.

Тут уже не до катанья, нет,
Тут уже приходится ложиться
И забыть холодности обет.
Все случилось, что могло случиться,
Но я так и не сказала: «Нет».

Пичем. Вот в какую шлюху она превратилась. Очень хорошо. Очень приятно.

Госпожа Пичем. Если уж ты настолько безнравственна, чтобы выйти замуж, то почему тебе нужен непременно конокрад и разбойник с большой дороги? Ты еще заплатишься! Я могла это предвидеть. Она с пеленок воображала себя чуть ли не королевой Англии!

Пичем. Значит, она действительно вышла замуж?

Госпожа Пичем. Да, вчера вечером, в пять часов.

Пичем. За известного преступника! Если хорошенько подумать, это доказывает огромную его смелость. Ведь стоит мне отдать дочь, последнюю опору моей старости, как рухнет мой дом и последняя собака от меня убежит. Я и так уже рискую умереть голодной смертью. Да-да, если нам троим хватит на зиму одного-единственного полена, то, может быть, мы и доживем до весны. Может быть.

Госпожа Пичем. Да что и говорить! Это нам награда за все, Джонатан. Я схожу с ума. Голова кружится. Я не выдержу. Ох! *(Падает в обморок.)* Рюмку коньяку!

Пичем. Видишь, до чего ты довела мать. Живее!

Полли *выходит.*

Стало быть, моя дочь шлюха. Очень хорошо, очень приятно. Как близко она приняла это к сердцу, бедная женщина!

Полли *возвращается с бутылкой коньяка.*

Вот единственное утешение, оставшееся твоей бедной матери.

Полли *(в этой сцене она так и светится счастьем).* Можешь смело дать ей две рюмки. Когда маме не по себе, она легко переносит двойную порцию. Это сразу поставит ее на ноги.

Госпожа Пичем *(приходя в себя).* Она опять изображает заботливую дочь! Не верю в ее искренность.

Входят пятеро нищих.

Нищий. Я имею претензии. Это вонючий свинарник. Это не кульпяпка, а тяп-ляп, и я не стану выбрасывать деньги на такое дерьмо.

Пичем. Чего тебе надо? Твоя кульпяпка не хуже любой другой, только ты не содержишь ее в чистоте.

Нищий. Вот как! А почему я зарабатываю меньше любого другого? Нет, шалишь, со мной этот номер не пройдет. *(Швыряет культяпку.)* Чем носить такое дерьмо, лучше уж по-настоящему отрубить себе ногу.

Пичем. Ну чего вы, собственно, хотите? Разве я виноват, если у людей теперь не сердце, а бульжник? Я же не могу дать вам по пяти культяпок сразу! В какие-нибудь три минуты я делаю из человека такую жалкую развалину, что, взглянув на него, собака и та заплачет. Разве я виноват, что люди не плачут? Вот тебе еще одна культяпка, если этой мало. Только научись держать вещи в порядке!

Нищий. С этой еще куда ни шло.

Пичем *(проверяя протез у другого нищего).* Кожа не годится, Селия, резина противнее. *(Третьему.)* Шишка уже сходит, это у тебя последняя. Что ж, начнем сначала. *(Осматривая четвертого.)* Ну конечно, разве настоящая парша может тягаться с искусственной! *(Пятому.)* Эй ты, на кого ты похож? Ты опять обжираться. Придется тебя наказать для примера.

Нищий. Господин Пичем, честное слово, я ничего особенного не ел. У меня нездоровая полнота, я не виноват.

Пичем. Я тоже. Ты уволен. *(Снова второму.)* «Потрясать» и «действовать на нервы» — это разные вещи, дорогой мой. Мне нужны мастера своего дела. Только мастера и потрясают нынче сердца. Если бы вы работали как полагается, публика бы вам аплодировала! Но у тебя же нет выдумки! Я вынужден расторгнуть наш договор.

Нищие уходят.

Полли. Пожалуйста, погляди на него. Может быть, ты думаешь, что он писанный красавец? Так убедись, что нет. Но он человек со средствами. С ним я буду обеспечена. Он прекрасный взломщик, кроме того, он опытный и дальновидный грабитель. Я могла бы назвать тебе сумму его сбережений. Еще два-три удачных дела — и мы сможем поселиться в небольшом загородном доме не хуже господина Шекспира, которого так ценит отец.

Пичем. Стало быть, все очень просто. Ты вышла замуж. Что делают, когда выходят замуж? Да разве ты сообразишь! Так вот: когда выходят замуж, разводятся, не правда ли? Неужели так трудно до этого додуматься?

Полли. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Госпожа Пичем. О разводе.

Полли. Но я же его люблю, зачем же мне думать о разводе?

Госпожа Пичем. Скажи, тебе не совестно?

Полли. Мама, если ты когда-нибудь любила...

Госпожа Пичем. Любила! Ты совсем свихнулась от этих проклятых книг. Все же так делают, Полли!

Полли. Ну что ж, значит, я — исключение.

Госпожа Пичем. Вот я тебе всыплю по заднице, «исключение»!

Полли. Я знаю, все матери так поступают, но разве это поможет! Любовь важнее, чем шлепки по заднице.

Госпожа Пичем. Смотри, Полли, мое терпение лопнет.

Полли. Я не позволю отнять у меня мою любовь.

Госпожа Пичем. Еще одно слово, и ты получишь пощечину.

Полли. Выше любви ничего нет на свете.

Госпожа Пичем. И вообще у этого типа целая куча жен. Когда его повесят, того и гляди, объявится добрая дюжина вдов, и, пожалуй, у каждой будет еще младенец на руках. Ах, Джонатан!

Пичем. Повесят? Как ты додумалась до этого? Прекрасная мысль. Выйди-ка, Полли.

Полли выходит.

Правильно. Верные сорок фунтов.

Госпожа Пичем. Понимаю. Донести шерифу.

Пичем. Разумеется. И к тому же его бесплатно повесят... Сразу двух зайцев. Только сначала надо узнать, где он скрывается.

Госпожа Пичем. Это, милый мой, я могу тебе сказать наверняка: где ему быть, как не у своих потаскух?

Пичем. Но они же его не выдадут.

Госпожа Пичем. Положись на меня. Деньги правят миром. Сейчас я схожу в Тарнбридж и поговорю с девчонками. Если в ближайшие два часа этот господин встретится хотя бы с одной из них, считай, что он в наших руках.

Входит Полли — она подслушивала за дверью.

Полли. Мамочка, не трудись. Мак скорее сам отправится в тюрьму Олд Бейли, чем встретится с такой особой. Но если бы он даже и пришел в Олд Бейли, шериф угостил бы его коктейлем, и они за сигарами потолковали бы об одном заведении на нашей улице, под которое тоже можно подкопаться. Если тебе угодно знать, папочка, твой шериф веселился на моей свадьбе.

Пичем. Как его фамилия?

Полли. Его фамилия Браун. Но для тебя он, наверно, Пантера-Браун. Все, у кого есть основания его бояться, называют его Пантера-Браун. Зато мой муж, папочка, называет его Джекки. Потому что для него он просто Джекки. Они друзья юности.

Пичем. Так-так, они друзья. Шериф и главный преступник! Наверно, это единственный случай дружбы в нашем городе.

Полли *(в упоении)*. Когда они сидят за коктейлями, они треплют друг друга по щеке и говорят: «Если ты хлопнешь еще одну, я тоже хлопну еще одну». И когда один выходит, у другого сразу увлажняются глаза, и он говорит: «Куда ты, туда и я с тобой». В Скотленд-Ярде на Мака нет материала.

Пичем. Так-так. С вечера во вторник до утра в четверг моя дочь находилась у господина Макхита, женатого, можно не сомневаться, неоднократно. Он выманил ее из родительского дома под предлогом бракосочетания. Не пройдет и недели, как по этой причине его отправят на виселицу, как он того заслуживает. «Господин Макхит, некогда вы носили белые лайковые перчатки, у вас была трость с набалдашником слоновой кости и шрам на шее. Вы обычно пребывали в гостинице „Каракатица“. Сейчас у вас остался только шрам, наименее ценная из ваших примет. Пребываете вы теперь главным образом за решеткой, а в недалеком будущем и вовсе перестанете где-либо пребывать...»

Госпожа Пичем. Ах, Джонатан, это тебе не удастся. Ведь дело идет о Мэкки-Ноже, которого называют величайшим преступником Лондона. Он берет что захочет.

Пичем. Кто такой Мэкки-Нож! Собирайся, мы пойдем к шерифу. А ты отправишься в Тарнбридж.

Госпожа Пичем. К его потаскухам.

Пичем. Такова подлость мира. Либо ты останешься без ног от беготни и хлопот, либо твои ноги попросту украдут.

Полли. Ну что ж, я с удовольствием пожму руку господину Брауну.

Золотистый свет. Все трое выходят на авансцену и поют. На щитах надпись:

ПЕРВЫЙ ТРЕХГРОШОВЫЙ ФИНАЛ О НЕНАДЕЖНОСТИ ЖИТЕЙСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Полли.

Что мне нужно? Лишь одно:
Замуж выйти, стать женою.
Неужели и такое
Человеку не дано?

Пичем (*с Библией в руках*).

У человека есть на счастье право.
Ведь бытия земного краток век,
И хлеб вкушать, и радоваться, право,
Имеет право каждый человек.

Да, таково его святое право.
Но слыхано ль, чтоб кто-нибудь однажды
Осуществил права свои? Увы!
Осуществить их рад, конечно, каждый,
Да обстоятельства не таковы.

Госпожа Пичем.

Доброй быть хочу с тобой,
Все отдать тебе я рада.
Мне ведь лучшая отрада
Счастье дочери родной.

Пичем.

Стать добрым! Кто не хочет добрым стать?
Раздать бы бедным все добро свое!
Какая бы настала благодать,

Какое было б райское житье!

Стать добрым! Кто не хочет добрым стать?
Но вот беда — на нашей злой планете
Хлеб слишком дорог, а сердца черствы.
Мы рады жить в согласье и в совете,
Да обстоятельства не таковы.

Полли и госпожа Пичем.

Он прав — кто возразить бы мог?
Зол человек, и мир убог.

Пичем.

Я прав — кто возразить бы мог?
Зол человек, и мир убог.
Мы рады бы устроить рай земной,
Да обстоятельства всему виной!

Кто с братом жить в ладу не рад?
Твой брат тебе, конечно, друг.
Но станет в доме тесно вдруг
И налицо домашний ад.

Кто верным долгу быть не рад?
Жена тебе, конечно, друг.
Но ей любви не хватит вдруг
И налицо домашний ад.

Твой сын тебе, конечно, друг.
Кто верным долгу быть не рад?
Но станешь сыну в тягость вдруг
И налицо домашний ад.
А быть хорошим всякий рад.

Полли и госпожа Пичем.

Вот это-то и скверно
И гнусно беспримерно.
Зол человек, а мир убог,

Он прав — кто возразить бы мог!

Пичем.

Я прав. Кто возразить бы мог?
Зол человек, а мир убог.
И мы бы не были черствы,
Да обстоятельства не таковы.

Все трое.

И значит, в мире нет добра,
И значит, это все мура.

Пичем.

Зол человек, и мир убог.
Я прав. Кто возразить бы мог!

Все трое.

Вот это-то и скверно
И гнусно беспримерно.
И значит, в мире нет добра,
И значит, это все — мура!

Действие второе IV

Четверг, вторая половина дня. Мэкки-Нож прощается с женой, перед тем как удрать от своего тестя в Хайгейт.

Конюшня.

Полли (входя). Мак! Мак, не пугайся.

Мак *(лежа на кровати)*. Что случилось? Что с тобой, Полли?

Полли. Я была у Брауна, и отец мой тоже там был. Они хотят тебя схватить. Отец грозил всякими ужасами. Браун отстаивал тебя, но в конце концов он сдался, и теперь он тоже считает, что тебе нужно немедленно скрыться. На некоторое время. Надо собрать вещи.

Мак. Собрать вещи. Глупости. Пойди сюда, Полли. Мы займемся не упаковкой вещей, а совсем-совсем другим.

Полли. Нет, сейчас нельзя. Я в таком страхе. Только и было разговоров что о виселице.

Мак. Не люблю, когда ты капризничаешь, Полли. В Скотленд-Ярде нет на меня материала.

Полли. Вчера, может быть, и не было, а сегодня хоть отбавляй. Я принесла обвинительное заключение. Это такой длинный список, всего и не запомнишь. Покушение на двух купцов, свыше тридцати взломов, двадцать три уличных ограбления, поджоги, предумышленные убийства, подлоги, клятвопреступления — и все за последние полтора года. Ты ужасный человек. А в Винчестере ты соблазнил двух несовершеннолетних сестер.

Мак. Мне они сказали, что им уже за двадцать. А что говорит Браун?
(Медленно встает и, насвистывая, идет вдоль рампы в правую часть сцены.)

Полли. Он догнал меня в вестибюле и сказал, что теперь ничего не может для тебя сделать. Ах, Мак! *(Бросается ему на шею.)*

Мак. Ну что ж, если мне надо сматываться, придется вести дело тебе.

Полли. Не говори сейчас о делах, Мак, я не могу о них слышать, лучше еще раз обними свою бедную Полли и поклянись, что ты ее никогда, никогда...

Резко оборвав Полли, Мак ведет ее к столу и усаживает на стул.

Мак. Вот бухгалтерские книги. Слушай внимательно. Это список личного состава. *(Читает.)* Итак, Джекоб-Крючок, на службе полтора года. Посмотрим-ка, что он принес. Раз, два, три, четыре, пять золотых часов. Немного, но работа чистая. Не садись ко мне на колени, сейчас у меня не то настроение. Дальше идет Уолтер-Плакучая Ива. На эту собаку положиться нельзя. Налево работает. Дай ему три недели отсрочки, пусть погуляет перед виселицей. Потом уволишь. Просто заявишь Брауну.

Полли *(всхлипывая)*. Просто заявлю Брауну.

Мак. Джимми второй. Беспардонный человек. Работник неплохой, приносит доход, но — бесстыж. Прямо из-под задниц простыни вытаскивает у дам из лучшего общества. Выдашь ему аванс.

Полли. Выдам ему аванс.

Мак. Роберт-Пила. Работает по мелочам. Таланта ни на грош. На виселицу не попадет, но и наследства не оставит.

Полли. Наследства не оставит.

Мак. В остальном действуй так же, как до сих пор. Вставай в семь часов, умывайся, принимай ванну и так далее.

Полли. Ты прав, нужно взять себя в руки и заняться делами. Твое — это теперь и мое, правда, Мэкки? А как быть с твоими комнатами, Мак? Может быть, отказаться от них? Просто жаль платить!

Мак. Нет, они мне еще понадобятся.

Полли. Зачем же нам бросать деньги на ветер!

Мак. Ты, кажется, думаешь, что я вообще не вернусь?

Полли. Да что ты! Я хочу только сказать, что потом можно снять снова! Мак... Мак, я больше не могу. Я смотрю на твой рот и уже не слышу, что ты говоришь. Ты будешь мне верен, Мак?

Мак. Ну конечно, я буду тебе верен. Как аукнется, так и откликнется. Ты думаешь, я тебя не люблю? Только я вижу дальше твоего.

Полли. Я тебе так благодарна, Мак. Ты печешься обо мне, а за тобой гонятся эти ищейки...

*При последних словах **Полли Мак** цепенеет. Он встает, идет в правую часть сцены, сбрасывает с себя пиджак и моет руки.*

Мак (торопливо). Чистую прибыль будешь по-прежнему переводить банкирскому дому Джек Пуль в Манчестере. Между нами говоря, я собираюсь целиком переключиться на банкирскую деятельность. Это вопрос дней. Быть банкиром безопаснее и прибыльнее. Самое большее через две недели надо будет вынуть капитал из этого предприятия. После этого ты сходишь к Брауну и передашь список полиции. Самое большее через четыре недели все эти подонки человечества исчезнут в казематах Олд Бейли.

Полли. Но как же ты можешь глядеть им в глаза, если ты поставил на них крест; если они уже почти на виселице? Как же ты можешь пожимать им руки?

Мак. Кому? Роберту-Пиле, Маттиасу-Монете, Джекобу-Крючку? Этим-то висельникам?

Входят бандиты .

Рад видеть вас, господа.

Полли. Здравствуйте, господа.

Маттиас. Капитан, я раздобыл план празднования коронации. Должен сказать, что нам предстоит напряженная работа. Через полчаса — приезд архиепископа Кентерберийского.

Мак. Когда?

Маттиас. В пять тридцать. Нужно немедленно двигаться, капитан.

Мак. Да, вам пора двигаться.

Роберт. Что значит — вам?

Мак. Что касается меня, то, к сожалению, я вынужден предпринять небольшую поездку.

Роберт. Боже правый, неужели вас хотят посадить?

Маттиас. Надо же, перед самой коронацией! Коронация без вас — это все равно что каша без ложки.

Мак. Заткнись! В связи с этим я временно передаю руководство предприятием своей жене Полли! *(Выводит ее на передний план, а сам уходит в глубину сцены и наблюдает за ней оттуда.)*

Полли. Ребята, я думаю, что наш капитан может спокойно отправиться в путь. Мы сумеем и без него повернуть дело. Мы покажем класс, правда, мальчишки?

Маттиас. Не смею возражать. Только не знаю, сумеет ли женщина в такой момент... Я не хочу вас обидеть, сударыня.

Мак. Что ты на это скажешь, Полли?

Полли. Ах ты, дерьмо, вот как ты начинаешь. *(Кричит.)* Попробовал бы ты меня обидеть! Эти господа спустили бы с тебя штаны и всыпали бы тебе как следует. Не правда ли, господа?

Небольшая пауза, после которой вся шайка неистово аплодирует.

Джекоб. Да, к тому дело идет, можешь ей поверить.

Уолтер. Bravo! Капитанша за словом в карман не полезет! Да здоровствует Полли!

Бандиты. Да здоровствует Полли!

Мак. Паршиво, что меня не будет на коронации. Это стопроцентное дело. Днем все квартиры пустехоньки, а ночью весь beau monde пьян в стельку. Кстати, Маттиас, ты слишком много пьешь. На прошлой неделе ты опять намекал, что детскую больницу в Гринвиче поджег ты. Если такое еще раз повторится, считай, что ты уволен. Кто поджег больницу?

Маттиас. Я.

Мак (*остальным*). Кто поджег больницу?

Бандиты. Вы, господин Макхит.

Мак. Значит, кто?

Маттиас (*ворчливо*). Вы, господин Макхит. Конечно, так наш брат никогда не возвысится.

Мак (*жестами изображает, как вздергивают человека на виселицу*). Ты-то уж возвысишься, если вздумал со мной конкурировать. Слыханное ли дело, чтобы ученые заблуждения оксфордского профессора подписывал какой-то ассистент? Профессор подписывает собственноручно.

Роберт. Сударыня, пока ваш супруг в отъезде, мы в вашем распоряжении. Расчет по четвергам, сударыня.

Полли. По четвергам, мальчики.

Бандиты удаляются.

Мак. А теперь прощай, солнышко. Следи за собой и, пожалуйста, не забывай ежедневно наводить красоту, так, словно я здесь. Это очень важно, Полли.

Полли. А ты, Мак, обещаешь мне, что не взглянешь ни на одну женщину и что уедешь отсюда немедленно. Поверь, что твоя маленькая Полли говорит это не из ревности. Это очень важно, Мак.

Мак. Кого интересуют всякие старые лоханки, Полли? Я люблю тебя одну. Как только достаточно стемнеет, я выведу своего вороного из какой-нибудь конюшни, а когда над твоим окошком взойдет луна, я буду уже далеко за Хайгейтским болотом.

Полли. Ах, Мак, тырываешь мне сердце. Остаешься со мной, и будем счастливы.

Мак. Я сам себе разрываю сердце. Я должен уйти, и кто знает, когда я вернусь.

Полли. Мы так мало были вместе, Мак.

Мак. Разве мы больше не будем вместе?

Полли. Ах, вчера я видела нехороший сон. Будто я подошла к окну и слышу смех на улице. Выглядываю в окно и вижу нашу луну. И луна такая тоненькая, как стершийся пенни. Не забывай меня, Мак, в чужих городах.

Мак. Конечно, я тебя не забуду, Полли. Поцелуй меня, Полли.

Полли. Прощай, Мак.

Мак. Прощай, Полли. *(Уходя, поет.)*

В любви существуют лишь «да» и «нет»,
А все остальное — вздор!

Полли *(одна)*. А ведь он не вернется.

Счастье прошло,
Улыбнулось — и мимо.
Скажи мне: «Прощай»,
Будь жесток, мой любимый.

Что толку казниться,
К пречистой взывая.
Ведь все это знала
И мать родная.

Слышен колокольный звон.
Въезд королевы в Лондон возвещен.
День коронации — что нам готовит он?

Интермедия

*К рампе из-за занавеса выходят **госпожа Пичем** и **Дженни-Малина**.*

Госпожа Пичем. Значит, как только вы увидите Мэкки-Ножа, вы подойдете к первому попавшемуся констеблю и скажете ему два слова. За это вы получите десять шиллингов.

Дженни. Да где ж мы увидим Мака, если его ищут констебли? Не станет же он с нами развлекаться, когда за ним охотятся.

Госпожа Пичем. Я знаю, что говорю, Дженни. Пусть его ищет весь Лондон, все равно, Макхит не такой человек, чтобы отказаться от своих привычек. *(Поет.)*

БАЛЛАДА О ЗОВЕ ПЛОТИ

Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.

Вот дьявол сам, кому ничто не свято,
Мясник, перед которым все — телята.
Нет силы, что такого уняла бы.
Кто ж на него найдет управу? Бабы.
Он хочет иль не хочет — он готов.
Таков уж плоти полновластный зов.

Ему на гражданский кодекс и Библию наплевать,
Он собственным нахальством упоен,
Вблизи себя не терпит женщин он,
Он знает, что от баб добра не ждать.
Пусть не кичится, ибо на поверку
Он рано или поздно ляжет сверху.

2

Титанов мысли и гигантов духа
До гибели доводит потаскуха.
Смеются над несчастными. И что же?
Насмешника хоронят шлюхи тоже.
Он хочет иль не хочет — он готов.
Таков уж плоти полновластный зов.

Один стал христианином, другой — анархист скорей.
Тот знает гражданский кодекс, а этот несведущ в
нем.

Иной толкует о диете днем,
Под вечер полон он других идей.
А ночью — так выходит на поверку
Он просто-напросто ложится сверху.

Еще не отзвонили колокола в честь коронации, а Мэкки-Нож был уже у тарнбриджских проституток. Проститутки его предают.

Четверг, вечер. Публичный дом в Тарнбридже. Обычный буднич­ный день; проститутки — большинство в одних рубашках — глядят белье, играют в шашки, моются — в общем, буржуазная идиллия. Джекоб-Крючок читает газету. На него никто не обращает внимания. Пожалуй, он даже мешает девушкам.

Джекоб. Сегодня он не придет.

Проститутка. Вот как?

Джекоб. Я думаю, он вообще больше не придет.

Проститутка. Жаль.

Джекоб. Вот как? Насколько я его знаю, он уже за чертой города. Теперь его поминай как звали!

Входит Макхит . Повесив шляпу на гвоздик, он садится на диван, по ту сторону стола.

Мак. Кофе, как всегда!

Виксен (в восхищении повторяет). Кофе, как всегда!

Джекоб (пораженно). Почему ты не в Хайгейте?

Мак. Сегодня четверг, мой день. Не стану же я из-за всякой чепухи отказываться от своих привычек. (Швыряет на пол обвинительное заключение.) И вообще дождь на дворе.

Дженни (читает обвинительное заключение). «Именем короля капитану Макхиту предъявляется обвинение в троекратном...»

Джекоб (отнимая у нее документ). Меня там тоже упоминают?

Мак. Как же, весь персонал.

Дженни (другой проститутке). Гляди, это обвинение.

Пауза.

Ну-ка, Мак, дай твою руку!

Он протягивает ей руку, продолжая пить кофе.

Долли. Верно, Дженни, погадай ему по руке. Ты здорово гадаешь. *(Подходит с керосиновой лампой.)*

Мак. Богатое наследство, что ли?

Дженни. Нет, наследства не видно!

Бетти. Что с тобой, Дженни? Почему ты так глядишь? Прямо мороз по коже дерет.

Мак. Дальняя дорога?

Дженни. Нет, не дальняя дорога.

Виксен. Ну что ж ты там увидела?

Мак. Только, пожалуйста, одно хорошее!

Дженни. Ах, где уж! Сплошной мрак и очень мало любви. Потом еще большое «К», это значит коварство женщины. Потом...

Мак. Стоп. Относительно мрака и коварства я хотел бы узнать подробности. Например, имя коварной женщины.

Дженни. Я только вижу, что оно начинается на «Д».

Мак. Ошибаешься. Оно начинается на «П».

Дженни. Мак, когда зазвонят вестминстерские колокола, тебе придется туго!

Мак. Скажи больше!

Джекоб *оглушительно хохочет.*

В чем дело? *(Подбегает к Джекобу и заглядывает в обвинительное заключение.)* Наврали, их было только три.

Джекоб *(смеется).* Вот именно!

Мак. Красивое у вас белье.

Проститутка. От колыбели до могилы первое дело — белье!

Старая проститутка. Я никогда не ношу шелкового. А то гости сразу думают, что ты больная.

Дженни *потихоньку идет к двери.*

Вторая проститутка. Куда ты, Дженни?

Дженни. Скоро узнаете. *(Уходит.)*

Молли. Домотканое полотно тоже отпугивает.

Старая проститутка. А мне домотканое помогает.

Виксен. Конечно, гости чувствуют себя как дома.

Мак *(Бетти)*. А у тебя все еще с черной отделкой?

Бетти. Все еще.

Мак. А у тебя какое белье?

Вторая проститутка. Ах, мне просто совестно. Я никого не могу пригласить к себе в комнату. Моя тетка помешана на мужчинах. А в парадных сами знаете — какое уж тут белье.

Джекоб смеется.

Мак. Ты кончил?

Джекоб. Нет, я как раз дошел до растления.

Мак *(возвратившись к дивану)*. Где же Дженни? Милые дамы, задолго до того, как моя звезда возшла над этим городом...

Виксен. «До того, как моя звезда возшла над этим городом...»

Мак. ...я жил с одной из вас в самых ужасных условиях, милые дамы. И хотя я сегодня Мэкки-Нож, хотя счастье мне улыбается, я всегда буду помнить спутниц моих горьких дней, и в первую очередь Дженни, которую я любил больше всех других девушек. Послушайте! *(Начинает петь.)*

Под окном справа стоит Дженни . Она подзывает знаками констебля Смита . Потом к ней присоединяется госпожа Пичем . Дженни, Смит и госпожа Пичем стоят под фонарем и наблюдают за домом.

БАЛЛАДА СУТЕНЕРА¹

1

¹ *Баллада сутенера* представляет собой вольный перевод баллады Ф. Вийона «Баллада о Вийоне и толстухе Марго».

Мак.

Давным-давно, в былые времена
Мы жили хорошо — она и я.
Соединились в прочный капитал
Ее живот и голова моя.
Кормила Дженни, Мэкки охранял.

С гостями я любезен был и мил:
Всегда постель освободить спешил
И вежливо прощался. Например,
Я говорил: «Захаживайте, сэр».
Так провели полгода мы вдвоем
В борделе том, что нам служил жильем.

*В дверях появляется **Дженни** , за ней **Смит** .*

2

Дженни.

Бывали и плохие времена:
Порой подводит ремесло мое.
Когда без гостя возвращалась я,
Кричал он: «Заложу твоё бельё!»
Ну что ж, я обходилась без белья.

Но иногда из женского упрямства
Я отвечала колкостью на хамство,
И он давал мне в зубы, и, бывало,
От зуботычин я заболела.

Оба.

Так провели полгода мы вдвоем
В борделе том, что нам служил жильем.

Оба (*вместе и попеременно*).

Давным-давно, в былые времена.

Он.

Тогда жилось нам лучше, в самом деле.

Она.

Хотя лишь днем бывали мы вдвоем.

Он.

Ведь ночью гость лежал в ее постели.
(Привычной ночью, но сойдет и днем!)

Она.

Когда же понесла я от него...

Он.

Ложился снизу, только и всего.

Она.

Боялся раздавить младенца нам на горе.

Он.

Но все равно младенец сгинул вскоре,

И кончились полгода. И потом
Уже мы больше не жили вдвоем.

*Танцуют. **Мак** берет трость, которая служит ему футляром для ножа. **Дженни-Малина** протягивает **Маку** его шляпу. **Мак** еще танцует, когда **Смит** подходит к нему и кладет ему руку на плечо.*

Смит. Все в порядке. Пошли!

Мак. Неужели до сих пор не сделали второго выхода из этого свинарника?

***Смит** пытается надеть на **Мака** наручники. Сбив его с ног ударом в грудь, **Мак** выскакивает в окно. Но под окном — **госпожа Пичем и полицейские** .*

Мак *(спокойно и очень вежливо)*. Добрый день, сударыня.

Госпожа Пичем. Ах, милейший господин Макхит. Мой муж утверждает, что и герои мировой истории спотыкались на этом пороге.

Мак. Разрешите узнать, как чувствует себя ваш супруг?

Госпожа Пичем. Ему лучше. К сожалению, вам придется расстаться с вашими очаровательными дамами. Эй, констебли, отведите-ка этого господина на его новую квартиру.

Мака *уводят.*

(Заглядывает в окно.) Милые дамы, если вы захотите его навестить, вы всегда застанете его дома. Отныне резиденция господина Макхита находится в Олд Бейли. Я так и знала, что он прохлаждается со своими шлюхами. Счет я оплачу. Будьте здоровы, сударыни. *(Уходит.)*

Дженни. Эй, Джекоб, тут что было!

Джекоб *(погруженный в чтение, ничего не заметил)*. Где же Мак?

Дженни. Констебли тут были!

Джекоб. Боже мой, а я себе читаю, читаю, читаю... Ай-яй-яй! *(Убегает.)*

VI

Преданный проститутками, Мак благодаря еще одной любящей женщине выходит на волю.

Тюрьма в Олд Бейли. Клетка. Входит Браун .

Браун. Только бы мои люди его не застучали! Господи, хоть бы он миновал уже Хайгейтское болото и вспоминал своего друга Джекки. Но, как все великие люди, он такой легкомысленный. Если сейчас его приведут, честное слово, я не выдержу взгляда своего старого друга. Слава богу, что хоть луна светит, по крайней мере с пути не собьется, когда поедет через болото.

За сценой шум.

Что такое? О боже, вот его ведут.

Связанный канатами и сопровождаемый шестью констеблями, входит Мак ; он сохраняет гордую осанку.

Мак. Ну вот, канделябры, наконец с божьей помощью мы и добрались до нашей старой виллы. *(Замечает Брауна, отступившего в самый дальний угол камеры. Долгая пауза, во время которой Мак пронизывает взглядом своего бывшего друга.)*

Браун. Ах, Мак, это не я... Я сделал все, что... Не гляди на меня так, Мак... я не выдержу... Твое молчание наводит на меня ужас. *(Кричит на констебля.)* Не тяни его за веревку, скотина... Скажи что-нибудь, Мак. Скажи что-нибудь твоему бедному Джекки... Скажи хоть слово на проща... *(Плачет, прислонившись головой к стене.)* Даже словечком не удостоил. *(Уходит.)*

Мак. Уж этот Браун слизняк. Воплощенная нечистая совесть. И такой слизняк хочет быть шефом полиции. Хорошо, что я на него не накричал. Сначала я хотел было. Но я вовремя сообразил, что пристальный укоризненный взгляд проймет его сильнее всякой ругани. Так оно и вышло. Я поглядел на него, и он заплакал, как младенец. Этот фокус я вычитал в Библии.

Входит Смит с наручниками.

Что, господин надзиратель, потяжелее там не нашлось? С вашего великодушного разрешения позволю себе попросить более удобные. *(Вынимает чековую книжку.)*

Смит. У нас есть на любую цену, господин капитан. Какие изволите. От одной гинеи до десяти.

Мак. А если вообще никаких?

Смит. Пятьдесят гиней.

Мак (*выписывает чек*). Хуже всего, что теперь всплывет эта история с Люси. Если Браун узнает, что я за его дружеской спиной забавлялся с его дочерью, он превратится в пантеру.

Смит. Да, что посеешь, то пожнешь.

Мак. Конечно, эта лахудра уже где-то здесь. Приятное будет время перед казнью, ничего не скажешь.

Ах, господа, куда теперь мне деться?
Могу ли я такой быть жизни рад?
Я истину одну усвоил с детства:
Лишь тот живет приятно, кто богат!

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

БАЛЛАДА О ПРИЯТНОЙ ЖИЗНИ

1

Твердят, что на земле всего прекрасней
Жизнь мудреца, что пустота в желудке
И холод в доме — это предрассудки.
Оставьте про себя такие басни!

Кто хочет жизнью тешиться простой,
Пусть тешится. Увольте лишь меня.
Нигде, нигде на свете даже дня
Нельзя прожить на пище на такой.
Одной свободе разве будешь рад?
Лишь тот живет приятно, кто богат.

2

Судьбе наперекор, с задором странным
Борцы плюют на страх и на оглядку.
Они публично режут правду-матку,
Чтоб только нервы щекотать мещанам.

Подтягивая брюки на ходу,
Усталый, злой, борец бредет домой,
Ложится спать с холодной женой
И ждет наград в трехтысячном году.
Не разжиреешь от таких наград.
Лишь тот живет приятно, кто богат!

3

И я хотел великим быть не в меру,
И я стремился бедным быть и чистым,
Но, присмотревшись к сим идеалистам,
Сказал себе: «Не следуй их примеру!

Ты мудр и чист. Но как несчастен ты.
Ты смел и гол. Но свет тебе не мил.
Ты мудрым, чистым, смелым, голым был.
Теперь с тебя довольно чистоты.
Забудь о ней и жизни будешь рад:
Лишь тот живет приятно, кто богат!»

Входит Люси.

Люси. Ах ты, негодяй! Как ты можешь смотреть мне в глаза? После всего, что было между нами?

Мак. Люси, неужели у тебя нет сердца? Видя своего мужа в беде...

Люси. Мужа! Ах ты, изверг! Ты думаешь, до меня не дошла история с Полли Пичем! Так бы и выцарапала тебе глаза!

Мак. Нет, серьезно, Люси, ты же не такая дура, чтобы ревновать меня к Полли.

Люси. Разве ты на ней не женился, чудовище?

Мак. Женился! Вот так новости! Я бываю у них в доме. Я болтаю с ней. Иногда я ее в некотором роде чмокну разок-другой. И теперь этой дурехе понадобилось раззвонить, что я на ней женился. Милая Люси, я готов на все, чтобы только успокоить тебя. Если ты думаешь, что брак со мной успокоит тебя — пожалуйста. Что еще может сказать джентльмен? Больше он ничего не может сказать.

Люси. Ах, Мак, единственное, чего я хочу, — это стать порядочной женщиной.

Мак. Если ты думаешь, что ты станешь ею, выйдя за меня замуж, пожалуйста. Что еще может сказать джентльмен? Больше он ничего не может сказать!

Входит Полли .

Полли. Где мой муж? Ах, Мак, вот ты где. Не прячь глаза, тебе нечего меня стыдиться. Я же твоя жена.

Люси. Подлец!

Полли. Мэки в тюрьме! Почему ты не ускакал за Хайгейтское болото? Ты обещал мне, что больше никогда не пойдешь к женщинам. Я знала, как они с тобой поступят. Но я тебе ничего не сказала, потому что я тебе верила. Мак, я останусь с тобой до самой смерти. Ни слова, Мак? Ни взгляда? О Мак, подумай только, как страдает твоя Полли, видя тебя здесь.

Люси. Ах ты, стерва.

Полли. Что это значит, Мак? И вообще — кто это? Скажи ей по крайней мере, кто я такая. Скажи ей, пожалуйста, что я твоя жена. Разве я не твоя жена? Посмотри на меня, разве я не твоя жена?

Люси. О прохвост, о подлец! Значит, у тебя две жены, чудовище?

Полли. Скажи, Мак, разве я не твоя жена? Разве я не сделала для тебя всего что могла? Я вступила в брак невинной, ты это знаешь. Ты поручил мне шайку, и я в точности выполняла наш договор. И Джекоб просит передать тебе, что...

Мак. Если бы вы хоть на минуту придержали языки, сразу бы все разъяснилось.

Люси. Нет, мой язык не придержишь. Я не могу этого вынести. Живой человек не может этого вынести.

Полли. Да, моя милочка, конечно, на стороне жены...

Люси. Жены!!

Полли. ...на стороне жены есть известное преимущество. К сожалению, милая, это так, по крайней мере с внешней стороны. Не мудрено и голову потерять при его заботах.

Люси. Хороши заботы. Ну и дрянь же ты откопал! Нашел кого покорять! Вот так красавица из Сохо!

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ДУЭТ РЕВНИВИЦ I

Люси.

Выходи, красавица из Сохо,
Дай полюбоваться мне тобою!
Увидать бы наконец неплохо
Ту, что всех затмила красотой.
Говорят, что лучше всех для моего супруга Полли.

Полли.

Лучше всех, лучше всех?

Люси.

А посмотришь — рассмеешься поневоле.

Полли.

Глупый смех, глупый смех!

Люси.

Нет, ведь право, он смешон...

Полли.

Ах, так, значит, он смешон?

Люси.

Если он в тебя влюблен!

Полли.

Если он в меня влюблен?

Люси.

Ха-ха-ха! Я готова поручиться,
Что никто на такую не польстится.

Полли.

Живы будем — поглядим.

Люси.

Живы будем — поглядим.

Обе.

Нет, Мэкки — мой. Мы неразлучны с Мэкки.
Со мной одной любовь его навеки.
И не сошла с ума я,
И всякого дерьма я
Бояться не желаю.
Смешно!

2

Полли.

Я слыву красавицею в Сохо,
Говорят, я хороша собою.

Люси.

Чепуха!

Полли.

Говорят, что выгляжу неплохо
И что всех затмила красотой.

Люси.

Ах ты, стерва!

Полли.

От стервы слышу!

Говорят, что лучше всех для Мэки Полли.

Люси.

Лучше всех, лучше всех?

Полли.

Потому-то и смешно мне поневоле.

Люси.

Глупый смех, глупый смех!

Полли.

В самом деле, тот смешон...

Люси.

Ах, так, значит, и смешон?

Полли.

Кто в такую не влюблен!

Люси.

Кто в такую не влюблен!

Полли (публике).

Ну а вы согласны поручиться,
Что никто на такую не польстится?

Люси.

Живы будем — поглядим.

Полли.

Живы будем — поглядим.

Обе.

Нет, Мэки — мой. Мы неразлучны с Мэки.
Со мной одной любовь его навеки.
И не сошла с ума я,
И всякого дерьма я
Бояться не желаю.
Смешно!

Мак. Итак, милая Люси, успокойся. Полли просто-напросто выкидывает фокусы. Ей хочется нас разлучить. Меня повесят, а она будет выдавать себя за мою вдову. В самом деле, Полли, сейчас не время для таких штук.

Полли. И у тебя хватит совести от меня отречься?

Мак. И у тебя хватит совести болтать, что я женат? Зачем ты усугубляешь мои страдания, Полли? (*Укоризненно качает головой.*) Полли, Полли!

Люси (*к Полли*). В самом деле, вы же только себя срамите. Да и как вам не стыдно волновать человека в таком положении. Это чудовищно!

Полли. Если вам знакомы элементарные правила приличия, сударыня, то вы должны быть сдержаннее с мужчиной в присутствии его жены.

Мак. Нет, серьезно, Полли, твои шутки переходят уже всякие границы.

Люси. Если вы, сударыня, хотите устроить здесь скандал, я буду вынуждена позвать сторожа, чтобы он указал вам выход, милая барышня.

Полли. Дама! Дама! Дама! Позвольте мне еще сказать, барышня, что важничать вам не к лицу. Мой долг велит мне остаться с моим супругом.

Люси. Что ты мелешь? Что ты мелешь? Ах, она не хочет уйти! Ее выгоняют, а она ни с места! Может быть, выразиться яснее?

Полли. Ах ты, — заткнись, гадина, а не то получите по морде, сударыня!

Люси. Тебя же выгоняют, зануда! Нет, с тобой надо попроще, ты не понимаешь деликатности.

Полли. Твоей-то деликатности! О боже, я только унижаюсь. Ведь это же ниже моего достоинства... (*Плачет навзрыд.*)

Люси. Посмотри на мой живот, гадина! Разве такое бывает с бухты-барахты? Слепла, что ли?

Полли. Ах вот как! Ты того-с! Вот на что бьешь? Не надо было спать с ним, деликатная леди!

Мак. Полли!

Полли (*плача*). Нет, это уж слишком. До этого нельзя было доводить, Мак. Не знаю, что мне и делать.

Входит госпожа Пичем .

Госпожа Пичем. Я так и знала. Где ей и быть, как не у своего дружка? Сейчас же ступай за мной, шлюха. Когда твоего дружка повесят, можешь и сама вешаться. До чего дошло! Твоя почтенная мать должна вытаскивать тебя из тюрьмы. И ко всему еще у него сразу две — Нерон этакий!

Полли. Оставь меня, мама. Ты же не знаешь...

Госпожа Пичем. Марш домой!

Люси. Вот видите, вашей маме приходится учить вас уму-разуму.

Госпожа Пичем. Марш!

Полли. Сейчас. Мне нужно... мне нужно сказать ему еще два слова... Нет, в самом деле... Знаешь, это очень важно.

Госпожа Пичем *(даст ей пощечину)*. И это не менее важно! Марш!

Полли. О Мак!

Госпожа Пичем *вытаскивает ее из камеры*.

Мак. Люси, ты вела себя великолепно. Конечно, мне было жаль ее. Поэтому я не мог обойтись с ней так, как она заслуживает. Ты сначала подумала, что в ее словах есть доля истины, правда?

Люси. Да, сначала я так и подумала, милый.

Мак. Тогда ее мамаша не упрятала бы меня сюда. Ты ведь слышала, как она меня поносила? Разве так ведут себя с зятем? Так третируют в лучшем случае соблазнителя дочери, но никак не зятя.

Люси. Я счастлива, если ты говоришь это от чистого сердца. Я так тебя люблю, что, право, лучше мне видеть тебя на виселице, чем в объятиях другой. Разве это не удивительно?

Мак. Люси, я хочу быть обязанным тебе жизнью.

Люси. Чудесные слова! Повтори их еще раз.

Мак. Люси, я хочу быть обязанным тебе жизнью.

Люси. Ты хочешь, чтобы я бежала с тобой, милый?

Мак. Да, но, понимаешь, если мы убежим вдвоем, нам труднее будет скрыться. Как только поиски прекратятся, я тебя выпишу. Спешной почтой, разумеется.

Люси. Как я могу помочь тебе?

Мак. Принеси шляпу и трость!

Люси *выходит и возвращается с шляпой и тростью. Она бросает их в клетку*.

Люси, плод нашей любви, который ты носишь под сердцем, свяжет нас навеки.

Люси *уходит. Появляется Смит*. Он входит в клетку.

Смит. Отдайте палку.

*Начинается возня. **Смит**, с ломом и стулом² в руках, гоняется за **Маком**. **Мак** перепрыгивает через решетку. За ним бегут **констебли**.*

Голос Брауна. Здравствуй, Мак! Мак, отзовись, это я, Джекки. Мак, прошу тебя, ответь. Я не в силах больше выносить это.

*Входит **Браун**.*

Браун. Мэкки! Что такое? Он удрал. Слава богу! (*Садится на нары.*)

*Входит **Пичем**.*

Пичем (*Смиту*). Моя фамилия Пичем. Я пришел получить сорок фунтов, обещанных за поимку бандита Макхита. (*Становится перед клеткой.*) Хелло! Это господин Макхит?

Браун молчит.

Ах вот как! По всей вероятности, этот господин отправился на прогулку? Я пришел, чтобы навестить преступника, и кого же я здесь вижу? Господина Брауна? Пантера-Браун сидит, а его друг Макхит не сидит.

Браун (*со стоном*). О господин Пичем, это не моя вина.

Пичем. Конечно, не ваша. Не станете же вы сами... ставить себя в такое положение... Конечно же, вы тут ни при чем, Браун.

Браун. Господин Пичем, я вне себя.

Пичем. Могу себе представить. Наверно, на душе у вас кошки скребут.

Браун. Ужасная вещь — чувство собственного бессилия. Эти разбойники делают что хотят. Ужасно, ужасно.

Пичем. Может быть, вы приляжете на часок? Закроете глаза и сделаете вид, что ничего не случилось. Или представите себе, что гуляете по зеленой лужайке, а на небе, знаете, такие беленькие облачка. Главное — выкинуть неприятности из головы. И те, что уже были, и прежде всего те, что еще будут.

Браун (*беспокойно*). Что вы имеете в виду?

² *С ломом и стулом* — очевидно, ошибка перевода.

Пичем. У вас прекрасная выдержка. Я бы на вашем месте просто занемог, лег в постель и пил горячий чай. А главное — позаботился бы, чтобы кто-нибудь положил мне руку на лоб.

Браун. К черту! Я же не виноват, если преступник скрылся. В таких случаях полиция бессильна.

Пичем. Вот как, бессильна? Вы полагаете, что мы уже не увидим здесь господина Макхита?

Браун пожимает плечами.

Пичем. В таком случае вы окажетесь жертвой чудовищной несправедливости. Теперь, конечно, опять станут говорить, что полиция не имела права его упускать. Да, блистательной коронацией дело не пахнет.

Браун. Что это значит?

Пичем. Позвольте напомнить вам один исторический факт. В свое время, в тысяча четырехсотом году до рождества Христова, он наделал много шума, однако ныне он неизвестен в широких кругах. Когда умер египетский фараон Рамзес Второй, полицмейстер Ниневии или, вернее, Каира чем-то провинился перед низшими слоями населения. Последствия таких провинностей бывали уже и в те времена ужасны. Как сказано в книгах по истории, коронационное шествие престолонаследницы Семирамиды превратилось «из-за чрезмерного энтузиазма низших слоев населения в сплошную цепь катастроф». Историки в ужасе от расправы, которой подвергла своего полицмейстера Семирамида. Подробностей я уже не помню, но, если не ошибаюсь, речь шла о каких-то змеях, которые сосали его кровь.

Браун. Неужели?

Пичем. Да не оставит вас господь, Браун. *(Уходит.)*

Браун. Единственное мое спасение — это железный кулак. Эй, сержанты, ко мне! Тревога!

Занавес.

Макхит и Дженни-Малина выходят к рампе и поют. Золотистый свет.

ВТОРОЙ ТРЕХГРОШОВЫЙ ФИНАЛ

Мак.

Вы учите нас честно жить и строго,
Не воровать, не лгать и не грешить.
Сначала дайте нам пожрать немного,
А уж потом учите честно жить.

Поборник благонравья и добра,
Ханжа и скромник с толстым животом!
Раз навсегда запомнить вам пора:
Сначала хлеб, а нравственность — потом.

Добейтесь, чтоб людская голь сначала
Ломоть от каравая получала.

Голос за сценой.

Чем люди живы?

Мак.

Чем люди живы? Тем, что раздевают,
Терзают, мучат, душат, гонят прочь взашей
Других людей и прочно забывают,
Что сами носят звание людей.

Хор.

Вот, господа, вся правда без прикрас:
Одни лишь преступления кормят нас!

2

Дженни.

Ваш идеал — девица-недотрога,
Вы учите: нельзя греху служить.
Сначала дайте нам пожрать немного,

А уж потом учите честно жить.

Вы любите развлечься, господа.
Давайте же простимся со стыдом!
Пора запомнить раз и навсегда:
Сначала хлеб, а нравственность — потом.

Добейтесь, чтоб людская голь сначала
Ломоть от каравая получала.

Голос за сценой.

Чем люди живы?

Дженни.

Чем люди живы? Тем, что раздевают,
Терзают, мучат, душат, гонят прочь взашей
Других людей и прочно забывают,
Что сами носят звание людей.

Хор.

Вот, господа, вся правда без прикрас:
Одни лишь преступленья кормят нас!

Действие третье VII

В эту же ночь Пичем готовится к выступлению, намереваясь испортить официальные празднества по случаю коронации демонстрацией голода и нищеты.

Заведение Пичема . Нищие малюют на дощечках надписи, вроде «Свой глаз я отдал королю».

Пичем. Господа, в данный момент в одиннадцати наших филиалах от Друри-Лейн до Тарнбриджа тысяча четыреста тридцать два человека трудятся над такими же плакатами. Они хотят присутствовать на коронации. *(Выходит.)*

Госпожа Пичем. Живее! Живее! Если вы не будете работать, вы не сможете попрошайничать. Ты хочешь быть слепым и не можешь даже как следует написать букву «к»? Нужен детский почерк, ведь это же понесет старик.

Слышен барабанный бой.

Нищий. Сейчас королевская стража стала во фронт. Они не подозревают, что в лучший день их военной карьеры им придется иметь дело с нами.

Входит Филч .

Филч (докладывает). Госпожа Пичем, сюда приперлась добрая дюжина ночных курочек. Они утверждают, что с вас причитается.

Входят проститутки .

Дженни. Сударыня...

Госпожа Пичем. Ба, да у вас такой вид, словно вы свалились с насеста. Вы, наверно, хотите получить деньги за вашего Макхита? Так знайте, что вы ни шиша не получите. Понимаете, ни шиша!

Дженни. Как это понимать, сударыня?

Госпожа Пичем. Врываются всякие среди ночи! Кто же является в порядочный дом под утро! Лучше бы вы отоспались после вашей работы. Ну и вид у вас. Прямо с души воротит.

Дженни. Итак, сударыня, вы отказываетесь уплатить гонорар, причитающийся нам за выдачу господина Макхита?

Госпожа Пичем. Совершенно верно. Вы ни шиша не получите за предательство.

Дженни. Почему же, сударыня?

Госпожа Пичем. Потому что этого милого господина Макхита поминай как звали. Вот почему. А теперь марш из моего дома, сударыни.

Дженни. Ну, это уж слишком. С нами так не обращаются. С кем угодно, только не с нами.

Госпожа Пичем. Филч, дамы просят проводить их к выходу.

Филч подходит к дамам. Дженни его отталкивает.

Дженни. Я попросила бы вас придержать язык, а то как бы...

Входит Пичем .

Пичем. В чем дело? Надеюсь, ты им не дала денег. Ну как, сударыни? Сидит господин Макхит или не сидит?

Дженни. Оставьте меня в покое с вашим господином Макхитом. Вы ему в подметки не годитесь. Сегодня ночью я не смогла принять одного гостя, потому что ревела в подушку при мысли, что продала вам этого джентльмена. Вот как, сударыни. А что, вы думаете, было сегодня под утро, час назад? Только я уснула в слезах, вдруг свист под окном. Выглядываю на улицу, смотрю — стоит себе тот самый человек, из-за которого я плакала, и просит, чтобы я бросила ему ключ. Он хотел, чтобы я забыла в его объятиях, как нехорошо я с ним обошлась. Сударыни, это последний джентльмен в Лондоне. И если с нами нет сейчас нашей коллеги Сьюки Тодри, то только потому, что от меня он пошел к ней, чтобы и ее утешить.

Пичем *(в сторону)*. Сьюки Тодри...

Дженни. Теперь вы понимаете, что вы ему в подметки не годитесь. Подлый вы шпик!

Пичем. Филч, беги к ближайшему полицейскому посту. Господин Макхит изволит находиться у Сьюки Тодри.

Филч *уходит*.

Сударыни, о чем мы, собственно, спорим? Разумеется, вы получите свои деньги. Селия, милая, вместо того чтобы браниться с этими дамами, ты бы лучше напоила их кофе.

Госпожа Пичем *(уходя)*. Сьюки Тодри! *(Поет третью строфу «Баллады о зове плоти».)*

Вот человек почти на эшафоте.
Намылена веревка, казни ждете.
За жизнь его никто не поручится.
И что же в мыслях у него? Девица.
Уже под петлей — он еще готов.
Таков уж плоти полновластный зов.

Он продан с потрохами и душой,
Он видел плату за донос еще вчера
В ее руке, он знает: та дыра
Была не лучше ямы гробовой.
Он злится на себя. Но на поверку
Он вечером опять ложится сверху.

Пичем. Живее, живее! Если бы не я, вы давно бы околели в тарнбриджских трущобах. Сколько бессонных ночей я провел, прежде чем додумался, как выколачивать пенни из вашей бедности. Наконец, однако, я сообразил, что люди имущие способны сеять нужду и горе, но глядеть на них не в состоянии. Потому что они такие же слизняки и болваны, как вы. Жратвы им хватит до самой смерти, им ничего не стоит намазать полы у себя в доме сливочным маслом, так что даже крошки, упавшие со стола, и те станут у них сдобными, и все-таки они не могут со спокойной душой глядеть на человека, который падает от голода. Конечно, если он падает у них под окнами.

*Входит **госпожа Пичем** . В руках у нее поднос с кофейным сервизом.*

Госпожа Пичем. Завтра зайдете к нам в контору и получите деньги, но только после коронации.

Дженни. Госпожа Пичем, я не нахожу слов.

Пичем. Стройтесь! Сбор через час у Букингемского дворца. Марш!

***Нищие** строятся. Вбегает **Филч** .*

Филч. Шухер! Я и до поста не дошел. Полиция уже здесь!

Пичем. Прячьтесь! (*Госпоже Пичем.*) Забирай отсюда всю братию. Когда я скажу «безвредны», понимаешь, «безвредны»...

Госпожа Пичем. Безвредны? Ничего не понимаю.

Пичем. Ну разумеется, ты ничего не понимаешь. Значит, когда я скажу «безвредны»...

Стук в дверь.

Слава богу, ключик найден. Когда я скажу «безвредны», вы исполните какую-нибудь музыку. Ступайте!

***Госпожа Пичем** и **нищие** прячутся: **нищие** , кроме **девочки** с плакатом «Жертва военного произвола», устраиваются справа, за вешалкой, в глубине сцены.*

*Входят **Браун** , **Смит** и **констебли** .*

Браун. Так. Теперь будем действовать, господин друг нищего. Наручники, Смит. Ах, я вижу восхитительные плакаты. (*Девочке.*) «Жертва военного произвола» — это вы?

Пичем. Доброе утро, Браун, доброе утро. Хорошо ли вам спалось?

Браун. Что?

Пичем. Доброе утро, Браун.

Браун. С кем это он говорит? Разве он знает кого-нибудь из вас? Не имею чести быть с тобой знакомым.

Пичем. Ах, не знакомы? Доброе утро, Браун.

Браун. Шляпу с него долой.

Смит выполняет приказание.

Пичем. Раз уж вы все равно шли мимо, Браун, подчеркиваю — мимо, я хочу воспользоваться случаем и попросить вас упрятать наконец за решетку некоего Макхита.

Браун. Он сумасшедший. Не смейтесь, Смит. Скажите, Смит, как это можно, чтобы такой закоренелый преступник разгуливал на свободе?

Пичем. Потому что он ваш друг, Браун.

Браун. Кто?

Пичем. Мэкки-Нож. Не я же. Я не преступник. Я же бедняк, Браун. Вы не станете причинять мне зла. Сейчас, Браун, наступает самый горький час вашей жизни. Хотите кофе? *(Проституткам.)* Дети мои, оставьте глоточек господину шефу полиции, надо быть вежливыми. Мы все можем отлично ладить друг с другом. Ведь все мы придерживаемся закона! А закон на то и существует, чтобы эксплуатировать граждан, нарушающих его по непониманию или в силу необходимости. Следовательно, тот, кто хочет поживиться на этой эксплуатации, должен строго придерживаться закона.

Браун. Стало быть, вы считаете наших судей продажными!

Пичем. Напротив, сударь, напротив! Наши судьи совершенно неподкупны: никакими деньгами вы не заставите их вершить правосудие!

Снова барабанный бой.

Парад войск начался. Парад беднейших из бедных состоится через полчаса.

Браун. Совершенно верно, господин Пичем. Через полчаса беднейшие из бедных отправятся на зимние квартиры в тюрьму Олд Бейли. *(Констеблям.)* Ну-ка, ребята, собрать всех патриотов, которые здесь расположились. *(Нищим.)* Вы, наверно, слышали о Пантере-Брауне? Сегодня ночью, Пичем, я нашел выход из положения и, смею сказать, спас от смерти своего друга. Я просто-напросто уничтожу ваше гнездо. И посажу вас всех по обвинению — по обвинению в

чем? В нищенстве. Вы, кажется, намекнули, что хотите натравить нищих на королеву и на меня. Вот я этих нищих и задержу. Можешь кое-чему поучиться.

Пичем. Очень хорошо. Только каких нищих?

Браун. Да вот этих калек. Смит, господа патриоты пойдут с нами.

Пичем. Браун, я хочу предостеречь вас от чрезмерной поспешности. Благодарите бога, Браун, что вы пришли ко мне. Видите ли, Браун, вы, конечно, можете арестовать этих людей. Но они безвредны, безвредны...

Музыка. Несколько тактов из «Песни о тщете человеческих усилий».

Браун. Что это такое?

Пичем. Музыка. Они музицируют в меру своих сил. «Песня о тщете человеческих усилий». Не слышали? Можете кое-чему поучиться.

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

ПЕСНЯ О ТЩЕТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСИЛИЙ

Нищие.

1

Своею головой
Никак не проживешь.
Увы, своею головой
Прокормишь только вошь.

В человеке скуден
Хитрости запас.
Где вам видеть, люди,
Как дурачат вас.

2

Составь прекрасный план,

Умом своим блесни,
Составь другой. А толку-то,
А толку-то — ни-ни.

В человеке скуден
Подлости запас.
Но идеалы, люди,
Украшают вас.

3

За счастьем ты бежишь.
Но лучше погоди!
Настигнуть счастье ты спешишь,
А счастье позади.

В человеке скуден
Скромности запас,
И наша воля, люди,
Морочит только нас.

Пичем. Ваш замысел, Браун, гениален, но, к сожалению, неосуществим. Кого вы можете здесь арестовать? Несколько молодых людей, которые, радуясь коронации, устроили небольшой маскарад. Если же на улицу выйдут настоящие горемыки — здесь таковых нет, — это будет многотысячная толпа. Вот тут-то вы и просчитались. Вы забыли об огромном числе бедняков. Если они выстроятся перед собором, картина получится далеко не праздничная. У этих людей вид неказистый. Вы знаете, Браун, что такое рожистое воспаление? Представьте себе сто двадцать рожистых воспалений. Молодая королева привыкла к розам, а не к рожам. А потом еще увечные на паперти. Надо избежать этого, Браун. Вы, наверно, возразите мне, что полиция сумеет справиться с нами, нищими. Но вы же сами в это не верите. А разве красиво будет, если в день коронации полицейские станут избивать дубинками шестьсот несчастных калек? Нет, это будет некрасивое зрелище. Я бы даже сказал — отвратительное. И даже тошнотворное. Просто дурно делается, когда об этом подумаешь, Дайте мне стул.

Браун (*Смиту*). Это угроза. Это вымогательство. Его нельзя трогать. Его нельзя трогать в интересах общественного порядка. Такого еще никогда не случилось.

Пичем. А сейчас случилось. Вот что я вам скажу. С королевой Англии вы можете вести себя как угодно. Но беднейшему человеку в Лондоне вы не смеете наступать на мозоли. А то вы сразу отбраунитесь, господин Браун.

Браун. Значит, я должен арестовать Мэки-Ножа? Вам легко говорить. Прежде чем арестовать человека, нужно его поймать.

Пичем. Тут я ничего не могу возразить. Придется мне, видно, доставить вам этого человека. Посмотрим, существует ли еще на свете порядочность. Дженни, где изволит пребывать господин Макхит?

Дженни. На Оксфорд-стрит, 21, у Сьюки Тодри.

Браун. Смит, сейчас же ступайте на Оксфорд-стрит, 21, к Сьюки Тодри. Арестуйте Макхита и доставьте его в Олд Бейли. А я тем временем переоденусь. В такой день я обязан быть в парадном мундире.

Пичем. Браун, если в шесть его не повесят...

Браун. О Мак, ничего не вышло. *(Уходит вместе с констеблями.)*

Пичем *(кричит ему вдогонку)*. Вот вы кое-чему и научились, Браун!

Снова барабанный бой.

Третий сигнал. Переориентировка. Новое направление — тюрьма Олд Бейли.
Марш!

Нищие *уходят.*

Пичем *(поет).*

Недобр и нехорош
Твой ближний. Ну так что ж!
Ударь его ты промеж глаз.
И будет он хорош.

В человеке скуден
Доброты запас.
Бейте смело, люди,
Ближних промеж глаз.

Занавес

Дженни-Малина *(выходит к рампе с шарманкой и поет).*

ПЕСНЯ О СОЛОМОНЕ МУДРОМ³

1

Знаком вам мудрый Соломон,
Знаком его конец!
Умом постигнув всех и вся,
Все суетой назвал мудрец
И пожалел, что родился.

Велик и мудр был Соломон!
А толку что? Прошли года
И миру истина ясна,
Что мудрость — сущая беда.
Блажен, кому чужда она!

2

Красивой Клеопатры вам
Знаком плохой конец!
Беря героев римских в плен,
Она погибла наконец
И превратилась в прах и тлен.

Была царица хоть куда!
А толку что? Прошли года
И миру истина ясна,
Что красота и та беда.
Блажен, кому чужда она!

3

Знаком и храбрый Цезарь вам,
Знаком его конец!
Он захватил над Римом власть,
Но был заколот сей храбрец,
Как раз когда он правил всласть.

³ *Песня о Соломоне Мудром* — переделка «Баллады о глупостях любви» Ф. Вийона. Впоследствии Брехт включил эту же песню, несколько изменив ее, в пьесу «Мамаша Кураж и ее дети».

Он закричал: «И ты, мой сын!»
Вы видите, прошли года
И миру истина ясна,
Что храбрость — суцая беда.
Блажен, кому чужда она!

4

Вам любопытный Брехт знаком,
Он был вам прежде мил!
Но докучал вопросом он:
Кто богача обогатил?
И вы его скорее — вон.

Как любознателен был Брехт!
Но видите: прошли года
И миру истина ясна,
Что любознательность — беда.
Блажен, кому чужда она!

5

А вот пред вами тот, чья жизнь
На волоске — Макхит!
Пока он разуму внимал
И грабил там, где надлежит,
Он равных в мастерстве не знал.

Но вот он сердцу волю дал,
И дни нужны, а не года,
Чтоб стала истина ясна,
Что даже чувственность — беда.
Блажен, кому чужда она!

VIII

Борьба за собственность.

Комната в Олд Бейли. Люси . Входит Смит .

Смит. Сударыня, с вами хочет поговорить госпожа Полли Макхит.

Люси. Госпожа Макхит? Введи ее.

Входит Полли .

Полли. Здравствуйте, сударыня. Сударыня, здравствуйте!

Люси. Что вам угодно?

Полли. Вы меня узнаете?

Люси. Конечно, узнаю.

Полли. Я пришла, чтобы извиниться перед вами за свое вчерашнее поведение.

Люси. Очень интересно.

Полли. Собственно, единственное, что может меня извинить, это мое несчастье.

Люси. Да-да.

Полли. Сударыня, вы должны простить меня. Вчера я была страшно возмущена поведением господина Макхита. Ему не следовало ставить нас в такое положение, не правда ли? Вы можете сказать ему это, когда его увидите.

Люси. Я... я... с ним не встречаюсь.

Полли. Вы же с ним встречаетесь.

Люси. Я с ним не встречаюсь.

Полли. Простите.

Люси. Он же вас очень любит.

Полли. Ах нет, он любит только вас, я это отлично знаю.

Люси. Вы очень любезны.

Полли. Ах, сударыня, мужчина всегда боится женщины, которая любит его сверх меры. И конечно, эту женщину он покидает. Он избегает ее. Я сразу заметила, что он в некотором роде в долгу перед вами, в таком долгу, о котором я и не помышляла.

Люси. Вы говорите это искренне?

Полли. Конечно, разумеется, совершенно искренне, сударыня, поверьте.

Люси. Милая Полли, мы обе любили его сверх меры.

Полли. Может быть. *(Пауза.)* А теперь, сударыня, я объясню вам, как все это случилось. Десять дней назад я впервые увидела господина Макхита в гостинице «Каракатица». Со мной была моя мать. Дней через пять, точнее, позавчера мы поженились. Вчера я узнала, что его разыскивает полиция как преступника. А сегодня я не знаю, что с нами будет. Стало быть, еще двенадцать дней назад, сударыня, я не представляла себе, что я вообще когда-либо окажусь во власти мужчины.

Пауза.

Люси. Я вас понимаю, милая барышня.

Полли. Госпожа Макхит.

Люси. Госпожа Макхит.

Полли. Между прочим, за последние часы я очень много думала об этом человеке. Он не так-то прост. Знаете, я прямо завидую вам, вспоминая, как он вел себя с вами. Когда я его покидала — меня заставила это сделать мама, он не выразил ни малейшего сожаления. Может быть, у него в груди не сердце, а камень? Как вы думаете, Люси?

Люси. Да я, милая барышня, право, не знаю, во всем ли виноват один господин Макхит. Вам следовало оставаться в своем кругу, милая барышня.

Полли. Госпожа Макхит.

Люси. Госпожа Макхит.

Полли. Вы совершенно правы. Или по крайней мере мне следовало поставить все на деловую почву. Мой папа всегда этого хотел.

Люси. Конечно.

Полли *(плача)*. Ведь он же мое единственное достояние.

Люси. Милочка, такое несчастье может случиться и с умнейшей женщиной. Но официально вы все-таки его жена, пусть это вас утешит. Вы так подавлены, мне просто больно на вас глядеть. Не хотите ли чего-нибудь?

Полли. Чего?

Люси. Закусить, подкрепиться?

Полли. О да, пожалуйста.

Люси выходит.

Ну и стерва!

Люси (возвращается с кофе и пирожными). Пожалуй, этого хватит.

Полли. Я причиняю вам столько беспокойства, сударыня.

Пауза.

У вас такой хороший его портрет. Когда он его принес?

Люси. Что значит — принес?

Полли (с невинным видом). Ну когда он его здесь повесил?

Люси. Он его вообще не вешал.

Полли. Он дал вам его здесь, в этой комнате?

Люси. Он вообще не был в этой комнате.

Полли. Ах вот как. Да ничего страшного бы не было, если бы даже он сюда и заходил, правда? Пути судьбы ужасно извилисты.

Люси. Перестаньте говорить глупости. Вы же пришли сюда только для того, чтобы пошпионить.

Полли. Вы же знаете, где он сейчас, правда?

Люси. Я? А вы разве не знаете?

Полли. Сию же минуту скажите, где он.

Люси. Понятия не имею.

Полли. Ах, значит, вы не знаете, где он? Честное слово?

Люси. Да, не знаю. Неужели вы тоже не знаете?

Полли. Нет, это чудовищно. *(Смеется.)*

Люси плачет.

Он в долгу перед обеими, и он удрал.

Люси. Сил больше нет. Ах, Полли, это ужасно.

Полли (весело). Как я рада, что под конец этой трагедии обрела такую подругу. И на том спасибо. Может быть, ты хочешь есть, может быть, скушаешь еще пирожное?

Люси. Пирожное! Ах, Полли, не будь так мила со мной. Право же, я этого не заслуживаю. Ах, Полли, мужчины того не стоят.

Полли. Конечно, мужчины того не стоят. Но что же делать?

Люси. Нет! Теперь я выложу всю правду. Полли, ты не очень на меня разозлишься?

Полли. В чем дело?

Люси. Оно не настоящее.

Полли. Что именно?

Люси. Вот это. *(Указывает на свой живот.)* И все из-за этого преступника.

Полли *(смеется)*. Ах, как здорово! Значит, это была липа? Ну и стерва же ты! Слушай, ты хочешь Мэкки? Дарю его тебе. Возьми его себе, если найдешь!

За дверью слышны голоса и шаги.

Что там такое?

Люси *(у окна)*. Мэкки! Они его снова поймали.

Полли *(упавшим голосом)*. Теперь все кончено.

Входит госпожа Пичем .

Госпожа Пичем. Ах, Полли, вот ты где. Переоденься, твоего мужа скоро повесят. Твой вдовый наряд я захватила.

Полли *переодевается.*

Черное тебе очень к лицу. Только гляди немного веселее.

IX

Пятница, пять часов утра. Мэкки-Нож, который снова пошел к проституткам, предан ими вторично. Теперь его повесят.

Камера смертников. Звонят вестминстерские колокола. Констебли вводят в камеру закованного в кандалы Макхита .

Смит. Давайте его сюда. Вестминстерские колокола уже зазвонили. Подтянитесь, на вас же лица нет. Не знаю, что на вас так подействовало. Наверно, вам просто стыдно. *(Констеблям.)* Когда колокола зазвонят и третий раз — это будет ровно в шесть, — он уже должен быть повешен. Срочно все приготовить.

Констебль. Уже четверть часа улицы Ньюгейта до того запружены людьми, что пробиться вообще невозможно.

Смит. Странно. Неужели они уже знают?

Констебль. Если так пойдет дальше, через четверть часа об этом будет знать весь Лондон. И тогда люди, собиравшиеся приветствовать королеву, хлынут сюда. А королева проедет по пустым улицам.

Смит. Поэтому нельзя мешкать. Если мы управимся к шести, то к семи люди еще поспеют на шествие. Марш!

Мак. Эй, Смит, который сейчас час?

Смит. Вы что, ослепли? Четыре минуты шестого.

Мак. Четыре минуты шестого.

Смит запирает дверь камеры снаружи. В это время входит **Браун**.

Браун *(Смиту, спиной к камере).* Он там?

Смит. Вы хотите его видеть?

Браун. Нет-нет-нет, ради бога, сделайте все сами. *(Уходит.)*

Мак *(неожиданно раздражается потоком слов: он говорит тихо).* Смит, не бойтесь, я не собираюсь вас подкупить. Я все знаю. Если бы я вас подкупил, вам пришлось бы в лучшем случае удрать за границу. Да-да, удрать. Для этого вас нужно обеспечить на всю жизнь. Тысяча фунтов, не так ли? Ничего не отвечайте. Через двадцать минут я скажу вам, сможете ли вы получить эту тысячу фунтов к полудню. Я не бью на чувства. Выйдите и хорошенько подумайте. Жизнь коротка, а денег мало. И я вообще не знаю, удастся ли мне сколько-нибудь достать. Но впускайте ко мне всех, кто пожелает войти.

Смит *(медленно).* Это вздор, господин Макхит.

Мак *(тихо, в быстром темпе поет).*

О состраданье просит вас Макхит⁴.
Он не под буками, не под кустом
Боярышника на траве лежит.
О нет, лежит он в склепе гробовом!
Друзья, друзья, молящему внимлите.

Пускай громаду этих стен прорвет
Его последний горестный призыв.
Помянете его, когда умрет.
Но ведь сейчас, покамест Мэки жив.
Так помогите же, о, помогите!

*В коридоре появляются **Маттиас** и **Джекоб**. Они хотят пройти к **Макхиту**. **Смит** останавливает их.*

Смит. Эй, что с тобой, ты похож на выжатый лимон.

Маттиас. С тех пор как с нами нет капитана, брюхатить наших дам приходится мне. Иначе они не получают справку о невменяемости. На такой работе требуется выносливость жеребца, вот я и выдохся. Мне нужно поговорить с капитаном.

*Оба подходят к **Маку**.*

Мак. Двадцать пять шестого. Вы, я вижу, не торопитесь...

Джекоб. Как-никак нам пришлось...

Мак. Как-никак меня повесят, чучело! Но сейчас у меня нет времени ругаться с вами. Двадцать восемь минут шестого. Итак, сколько вы можете взять из вашего личного хранилища? Немедленно, сию же минуту.

Маттиас. Из нашего хранилища — в пять утра?

Джекоб. Неужели действительно дошло до этого?

Мак. Четыреста фунтов, идет?

Джекоб. А с нами что будет? Это же все, что у нас есть.

Мак. Кого повесят — вас или меня?

Маттиас (сердито). А кто лежал у Сьюки Тодри, вместо того чтобы смыться? Мы или ты?

⁴ *О состраданье просит вас Макхит...* — переработка песни Ф. Вийона.

Мак. Заткнись. Скоро буду лежать совсем в другом месте. Половина шестого.

Джекоб. Ну что ж, Маттиас, надо соглашаться.

Смит. Господин Браун велел спросить, что подать вам на завтрак.

Мак. Оставьте меня в покое. *(Маттиасу.)* Ты хочешь или не хочешь? *(Смиту.)* Спаржу.

Маттиас. Кричать на себя я никому не позволю.

Мак. Да я же не кричу на тебя. Просто я... Итак, Маттиас, ты дашь меня повесить?

Маттиас. Конечно, я не дам тебя повесить. Кто об этом говорит? Но это все наши деньги. Четыреста фунтов — это действительно все наши деньги. Неужели и этого нельзя сказать?

Мак. Пять часов тридцать восемь минут.

Джекоб. Давай живей, Маттиас, а то это будет уже ни к чему.

Маттиас. Если только сумеем пробиться. Ни пройти, ни проехать из-за этого сброда.

Мак. Если вас не будет здесь без пяти шесть, вы меня больше не увидите. *(Кричит.)* Больше не увидите!..

Смит. Уже ушли. Ну как? *(Делает жест, как будто отсчитывает деньги.)*

Мак. Четыреста.

Смит , *пожав плечами, уходит.*

(Вдогонку Смиту.) Мне нужно поговорить с Брауном.

Смит *входит с констеблями.*

Смит. Мыло у вас есть?

Констебль. Только не того сорта.

Смит. Через десять минут все должно быть готово.

Констебль. Опускная доска не действует.

Смит. Ничего знать не хочу. Уже второй раз звонили.

Констебль. Это же свинарник, а не тюрьма.

Мак *(поет).*

Глядите, он уже почти отпет,
Теперь Макхит поистине банкрот.
Вы, для кого сошелся клином свет
На деньгах, неужели он умрет?
Что пользы вам в повешенном Макхите?

Как стадо перепуганных свиней
Бегите к королеве! К ней одной!
Поговорите о страдальце с ней,
Он вдоволь сыт предсмертной тоской.
Так помогите же, о, помогите!

Появляется Полли .

Смит. Я не могу вас к нему пустить. Ваш номер шестнадцать. Ваша очередь еще не подошла.

Полли. При чем тут номер шестнадцать! Не будьте бюрократам. Я его жена, я должна с ним поговорить.

Смит. Но не больше пяти минут.

Полли. Еще чего — пять минут! Глупости. Пять минут! Это нельзя раз-два. Это же не так просто. Это же прощание навеки. В таких случаях муж и жена должны многое друг другу сказать... Где же он?

Смит. Разве вы его не видите?

Полли. Ах да, конечно. Благодарю вас.

Мак. Полли!

Полли. Да, Мэки, я здесь.

Мак. Да, конечно!

Полли. Как ты себя чувствуешь? Ты очень раскис? Это ведь нелегко!

Мак. Что ты вообще собираешься делать? Что с тобой будет?

Полли. Ах, это пустяки, наша фирма работает превосходно. Мэки, ты очень нервничаешь?.. Кто, собственно, был твой отец? Ты мне многого еще не рассказал. Не понимаю, что с тобой. Ты ведь всегда был вполне здоровым человеком.

Мак. Слушай, Полли, ты не можешь вытащить меня отсюда?

Полли. Да, конечно.

Мак. Конечно, нужны деньги. Я тут с надзирателем...

Полли *(медленно)*. Деньги ушли в Саутгемптон.

Мак. А здесь у тебя ничего нет?

Полли. Нет, здесь нет. Но знаешь, Мэкки, я могу, например, с кем-нибудь поговорить... может быть, даже обратиться к самой королеве. *(Подавленно.)* О Мэкки!

Смит *(уводя Полли, Маку)*. Ну что, собрали тысячу фунтов?

Полли. Прощай, Мэкки! Всего хорошего! Не забывай меня! *(Уходит.)*

Смит и **констебли** *вносят столик. На нем тарелка со спаржей.*

Смит. Спаржа сварилась?

Констебли. Так точно. *(Уходят.)*

Появляется Браун . Он подходит к Смиту .

Браун. Смит, чего он от меня хочет? Хорошо, что вы отложили завтрак до моего прихода. Мы войдем к нему со столиком, пусть видит, как мы к нему относимся.

Браун и **Смит** *входят со столиком в клетку. Смит уходит.*

Пауза.

Здравствуй, Мак. Вот спаржа. Поешь немного.

Мак. Не трудитесь, господин Браун. Найдутся другие люди, чтобы оказать мне последние почести.

Браун. Ах, Мэкки!

Мак. Прошу со мной рассчитаться! Тем временем позвольте мне поесть. В конце концов, это мой последний завтрак. *(Ест.)*

Браун. Приятного аппетита. Ах, Мэкки, ты же просто пытаешь меня раскаленным железом.

Мак. Расчет, сударь, пожалуйста, расчет. Никаких сантиментов.

Браун *(со вздохом достает из кармана книжечку)*. Вот он, Мак. Вот расчет за последние полгода.

Мак (*резко*). Ах, вы пришли только за тем, чтобы и здесь еще получить свои денежки.

Браун. Ты же знаешь, что это не так...

Мак. Пожалуйста, вы не должны нести убыток. Сколько я вам должен? Но, пожалуйста, дайте счет по статьям. Жизнь сделала меня недоверчивым... Вы можете понять это лучше, чем кто-либо другой.

Браун. Мак, когда ты так говоришь, я ни о чем не могу думать.

За сценой слышен громкий стук.

Голос Смита (*за сценой*). Так. Теперь выдержит.

Мак. Расчет, Браун.

Браун. Если ты настаиваешь — пожалуйста. Значит, во-первых, деньги за поимку убийц, которых изловили благодаря тебе или твоим людям. Ты получил от правительства в общей сложности...

Мак. Три случая по сорок фунтов каждый, итого сто двадцать фунтов. Четверть этой суммы причитается вам. Следовательно, мы должны вам тридцать фунтов.

Браун. Да-да... Но я, право, не знаю, Мак. Стоит ли тратить последние минуты...

Мак. Пожалуйста, оставьте эту дребедень. Тридцать фунтов. И за доверское дело восемь фунтов.

Браун. Как же так, восемь фунтов! Не мало ли? Там же было...

Мак. Вы мне верите или вы мне не верите? Итак, по балансу последнего полугодия вы получаете тридцать восемь фунтов.

Браун (*громко всхлипывая*). Всю свою жизнь... я...

Оба. Исполнял все твои желания.

Мак. Три года в Индии — и Джон завербован, и Джимми взят, — пять лет в Лондоне, и вот благодарность. (*Изображает повешенного*).

Неверным другом предан, здесь висит
Прекраснейший, добрейший из людей.
Увы, на шее собственной Макхит
Узнал всю тяжесть задницы своей.

Браун. Мак, если ты со мной так говоришь... Кто нападает на мою честь, тот нападает на меня. *(В гневе выбегает из клетки.)*

Мак. На твою честь...

Браун. Да, на мою честь. Смит, начинайте! Впустить посетителей. *(Маку.)*
Извини, пожалуйста.

Смит *(входит, быстро, Маку).* Сейчас вас еще можно спасти, но через минуту будет поздно. Вы собрали деньги?

Мак. Да. Если ребята вернутся.

Смит. Их не видно. Значит — все кончено.

Впускают посетителей. Входят Пичем , госпожа Пичем , Полли , Люси , проститутки , священник , Маттиас и Джекоб .

Дженни. Нас не хотели пускать. Но я им сказала: если вы сейчас же отсюда не уберетесь, вы будете иметь дело с Дженни-Малиной.

Пичем. Я его тесть. Прошу прощения, кто из присутствующих господин Макхит?

Мак *(представляется).* Макхит.

Пичем *(миновав клетку, становится справа, как потом и все остальные).*
Волею судьбы, господин Макхит, вы стали моим зятем, не познакомившись со мной. Обстоятельство, благодаря которому мы впервые увиделись, чрезвычайно прискорбно. Господин Макхит, некогда вы носили белые лайковые перчатки, у вас была трость с набалдашником слоновой кости и шрам на шее, и пребывали вы обычно в гостинице «Каракатица». Теперь остался только шрам, кстати сказать, наименее ценная из ваших примет. Пребываете же вы в клетке, а в недалеком будущем и вовсе перестанете где-либо пребывать.

Полли *в слезах проходит вдоль клетки и становится справа.*

Мак. Какое на тебе красивое платье!

Маттиас и Джекоб *проходят вдоль клетки и становятся справа.*

Маттиас. Мы не могли пробиться из-за толчеи. Мы так бежали, что я боялся, как бы Джекоба не хватил удар. Если ты нам не веришь...

Мак. Что говорят мои люди? Они на хороших местах?

Маттиас. Видите, капитан, мы так и знали, что вы нас поймете. Ведь коронация случается не каждый день. Людям нужно подработать. Они просили передать вам привет.

Джекоб. Самый сердечный!

Госпожа Пичем (*проходит вдоль клетки, становится справа*). Господин Макхит, кто бы мог представить себе это неделю назад, когда мы с вами танцевали в «Каракатице»?

Мак. Да, танцевали в «Каракатице».

Госпожа Пичем. Жестока судьба человеческая.

Браун (*в глубине сцены, священнику*). И с этим-то человеком мы плечом к плечу сражались в Азербайджане.

Дженни (*проходит мимо клетки*). Мы все в Друри-Лейн просто вне себя. Ни одна душа не пошла на коронацию. Все хотят тебя видеть. (*Становится справа.*)

Мак. Меня видеть.

Смит. Ну, пошли. Шесть часов. (*Выпускает Мэкки из клетки.*)

Мак. Мы не заставим посетителей ждать. Дамы и господа! Перед вами гибнущий представитель гибнущего сословия. Нас, мелких кустарей, взламывающих честным ломом убогие кассы мелких лавчонок, поглощают крупные предприниматели, за которыми стоят банки. Что такое «фомка» по сравнению с акцией? Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка? Что такое убийство человека по сравнению с использованием его в своих интересах? Я прощаюсь с вами, сограждане. Благодарю вас за то, что вы пришли. Некоторые из вас были мне очень близки. Меня очень удивляет, что Дженни меня выдала. Впрочем, это лишнее доказательство того, что мир остается прежним. Меня погубило роковое стечение обстоятельств. Ну что ж, я гибну.

Золотистый свет. Орган освещен. Сверху на шесте спускается трехламповый светильник. На щитах надпись:

БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ МАКХИТ ПРОСИТ У ВСЕХ ПРОЩЕНИЯ⁵

⁵ Баллада, в которой Макхит просит у всех прощения — перевод и переработка двух баллад Вийона — «Эпитафии, написанной Вийоном для него и его товарищей в ожидании виселицы» и «Баллады, в которой Вийон просит у всех пощады».

О братья, вы переживете нас.
Мы смертники. Не будьте строги с нами
И у помоста в наш последний час
Не смейтесь, потрясая бородами.

И не кляните нас, хоть нас казнили,
Не гневайтесь, в отличие от судей!
Ведь кто не легкомыслен из людей!
Ах, если б все благоразумней были!

О люди, вот урок вам. Кто грешил,
Молите бога, чтоб меня простил.
Нас дождь окатит, он омоет нас,
Омоет плоть, что мы кормили впрок,
И воронье не пощадит, дай срок,
Видавших виды, жадных наших глаз.

Мы занеслись поистине безбожно,
Не в меру высоко. И вот висим мы тут,
Словно кичась. И птицы нас клюют,
Как лошадиное дерьмо в пыли дорожной.

Вот вам наука, братья. Кто грешил,
Молите бога, чтоб меня простил.
Девчонок, продающих ласки,
Всегда готовых оголиться,
Котов, что строят девкам глазки,
Чтоб их деньгами поживиться.

Клятвопреступников, колодниц,
Бродяг, способных и убить,
Гулящих, тунеядцев, сводниц
Я их прошу меня простить.

На полицейских зол, — не скрою,
Которые меня кормили
Одной древесною корою
И много бед мне причинили.

Я мог бы и проклясть их ныне,
Но буду кроток, так и быть!
Чтобы не связываться с ними,

Я их прошу меня простить.

Взять молоток бы потяжеле
Да в полицейских запустить!
Не стоит, впрочем. В самом деле,
Я их прошу меня простить.

Смит. Пожалуйте, господин Макхит.

Госпожа Пичем. Полли и Люси, не покидайте вашего мужа в его последний час.

Мак. Сударыни, что бы ни было между нами...

Смит (*уводит его*). Марш!

*Путь к эшафоту. Все выходят через левую дверь. Обе двери — в плоскости кулис. Затем все с фонариками в руках появляются с другой стороны сцены. Как только **Макхит** всходит на эшафот, **Пичем** обращается к публике.*

Пичем.

Почтеннейшая публика! Итак,
Макхита наконец должны казнить.
Так уж устроен божий мир. Дурак,
Кто хочет даром что-то получить.

Но, чтобы не считали нас
Глашатаями истины такой,
Макхита не казнят, поскольку мы сейчас
Придумали конец совершенно другой.

Пускай хотя бы в опере случится,
Что право перед милостью смирится.
И потому, благой конец суля,
Сюда сейчас примчится вестник короля.

Появление королевского вестника.

На щитах надпись:

ТРЕТИЙ ТРЕХГРОШОВЫЙ ФИНАЛ

Хор.

Тише! Кто скачет к нам?

Королевский вестник скачет к нам!

*Верхом на коне появляется **Браун** — королевский вестник.*

Браун. По случаю коронации королева повелевает немедленно освободить капитана Макхита.

Всеобщее ликование.

Одновременно он получает звание потомственного дворянина...

Ликование.

...замок Мармарел и пожизненную ренту в десять тысяч фунтов.

Присутствующим здесь новобрачным королева шлет королевский привет и наилучшие пожелания.

Мак. Спасен, спасен! Да-да, где нужда велика, там и помощь близка.

Полли. Спасен, мой дорогой Мэки, спасен! Я так счастлива.

Госпожа Пичем. Итак, все пришло к благополучному концу. Как легко и мирно жилось бы на свете, если бы всегда появлялись королевские вестники.

Пичем. Поэтому останьтесь все на местах и спойте хорал беднейших из бедных, чью трудную жизнь вы сейчас представили. Ибо в действительности печален бывает именно их конец. Когда побитые дают сдачи, королевские вестники появляются чрезвычайно редко. Поэтому нужно быть терпимее к злу.

Все (*поют под орган, подходя к рампе*).

Терпимей будьте к злу. Оно к тому же
Само замерзнет. Ведь тепла в нем нет.
Не забывайте о великой стуже
Земной юдоли, стонущей от бед!

Приложение

НОВАЯ СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Фриц был штурмовик, и Карл был фашист,
А карьеру сделал Курт, как ни странно.
Но все это кончилось, и начались
Походы в различные страны.
Шмидту-вестфальцу
Нужна Украина,
А Краузе — Париж, и скорей!

И если б, как намечено,
Все было онемечено,
И вражеская сила
Препятствий не чинила,
Берлинец Майер бы назвал
Болгарию своей.

2

В пустыне от зноя Шмидт изнывал,
На севере Краузе мерз многократно.
Но хуже всего было то, что не знал
Ни один человек, как вернуться обратно
В Вестфалию
Из степей Украины,
Из Африки — в Шпесский лес?

Не было, как намечено,
Все онемечено,
И вражеская сила
Препятствия чинила,
А тот, кто сбил их с толку,
Куда-то исчез.

3

И Шмидт не вернулся, и немцам капут,
И трупы смердят, и крысиные норы.
Но в Берлине разрушенном люди ведут
О *т р е т ь е й* войне мировой разговоры.
Кельн — щепня груда,

В Гамбурге худо,
А Дрезден — скопище дыр.

Но вдруг Америка
Русским не поверит, а?
И вдруг между собой еще
Они начнут побоище,
И Майер, снова в каске,
Захватит весь мир!

1946

НОВАЯ БАЛЛАДА О ПРИЯТНОЙ ЖИЗНИ⁶

1

Твердят, что на земле всего прекрасней
Жизнь мудреца, что пустота в желудке
И холод в доме — это предрассудки.
Оставьте про себя такие басни!

Кто хочет жизнью тешиться простой,
Пусть тешится. Увольте лишь меня!
Нигде, нигде на свете даже дня
Нельзя прожить на пище на такой.

Одной свободе разве будешь рад?
Лишь тот живет приятно, кто богат.

2

Мясник отменный маршал наш покойник.
Сначала заграбастал он полсвета,
А после на суде потел за это,
И там, еще жирней своих конвойных,

Он на вопрос, зачем старался так,
Ответил, что о славе лишь радел.
Как будто он от славы разжирел!

⁶ Баллада о приятной жизни — вольный перевод баллады Ф. Вийона.

Тут рассмеется и любой дурак.

Нет, не о славе пекся этот фат:
Лишь тот живет приятно, кто богат.

3

Вот прорва Шахт. Он проглотил полмира,
Хоть шея коротка у живоглота.
Вчера венчали лаврами банкира,
Сегодня вешать не хотят банкрота.

Останется он цел и невредим,
Но на вопрос, зачем же он избрал
Столь мерзкий путь, ответствует нахал,
Что честолюбие овладело им.

Нет, не почета жаждал этот гад:
Лишь тот живет приятно, кто богат.

4

Вот Украины гнусный разоритель
Лакейтель, пред Адольфом лебезивший,
Трофеями себя обогативший,
Ценитель танков, коньяков ценитель.

Что двигало им? Долг! Ведь он солдат.
Из чувства долга кровь он проливал.
А если он попутно капитал
И нажил, о таких вещах молчат.

Чей капитал? О том не говорят.
Лишь тот живет приятно, кто богат.

5

У них у всех великие заботы,

У них у всех возвышенные цели,
Не говорят о том, как пили-ели,
А с духами ночами сводят счета.

Ведь каждый был, по сути, Лоэнгрин,
И каждый был немножко Парсифаль:
Не Ленинград им нужен, а Грааль,
Разрушена Валгалла, не Берлин.

Их дело в шляпе. Им сам черт не брат:
Лишь тот живет приятно, кто богат.

1946

ДОБАВЛЕНИЕ К БАЛЛАДЕ, В КОТОРОЙ МАКХИТ ПРОСИТ У ВСЕХ ПРОЩЕНИЯ

Тот, кто ломится в дверь чужую,
Устав без крова горе мыкать,
Кто всех бранит напропалую,
Чтобы не плакать и не хныкать,

И тот, кто хлеб крадет без дрожи,
Чтобы убийцею не быть,
Поверьте, им не сладко тоже,
И я прошу вас их простить.

Не на воришек гнев свой тратьте,
Нет, покрупней воров ищите,
Тех, от кого идет проклятье
Войны, стыда, кровопролитья.

Тот, кто твердил вам: «Режь без страха!»
Теперь «Прости!» твердить готов.
Забейте же им глотку прахом
Прекрасных ваших городов!

Кто вздор насчет прощенья мелет,
Кто учит прошлое забыть,
В тех молотком, да потяжеле,
Всего вернее запустить.

1946

НОВЫЙ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ХОРАЛ

Порок не страшен малый. И к тому же
Он сам замерзнет. Ведь тепла в нем нет.
Не забывайте о великой стуже
В земной юдоли, стонущей от бед.

Бой против крупных негодяев нужен,
И нужно наконец избавить свет
От истинной причины этой стужи
В земной юдоли, стонущей от бед.

1946

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОФЫ «ТРЕХГРОШОВОГО ФИЛЬМА»

Наконец-то торжествуют
Мир, согласие и покой.
Если в деньгах нет отказа,
То конец всегда такой.

Угрожал сперва тюрьмою
Максу Мориц, а потом
Хлеб голодных эти двое
За одним едят столом.

Ведь одни во мраке скрыты,
На других направлен свет.
И вторых обычно видят,
Но не видят первых, нет.

1930

Примечания

Чтение драм

Нет никаких оснований менять эпиграф Джона Гэя к его «Опере нищих» «*Nos hoc novimus esse nihil*»⁷ для «Трехгрошовой оперы». Что касается данного текста, то он почти не отличается от сценической редакции целиком переданной театрам пьесы и, следовательно, адресован скорее специалисту, чем потребителю. Заметим, однако, что превращения в специалистов возможно большего числа зрителей и читателей следует всячески добиваться и что этот процесс совершается на наших глазах.

Буржуазные понятия являются для «Трехгрошовой оперы» не только содержанием. Дело не только в том, что она их изображает, но и в том, как она их изображает. «Трехгрошова опера» — это своего рода доклад о том, какого отображения жизни ждет зритель от театра. Однако зрителю приходится смотреть и то, чего ему не хотелось бы видеть, его желания не только исполняются, но и критикуются (он оказывается не субъектом, а объектом). Поэтому теоретически он может признать, что театр получает новую функцию. Но так как театр сопротивляется своей модификации, то полезно, чтобы драмы, предназначенные не только для постановки, но и для реформы театра, зритель читал сам, читал из недоверия к театру. Сейчас мы наблюдаем абсолютный примат театра над драматической литературой. Примат театрального механизма это примат средств производства. Сопротивление театрального механизма новой целевой установке выражается в том, что, сталкиваясь с драмой, он сразу же ее изменяет, так что она перестает быть в нем инородным телом. Нетронутыми остаются разве только те элементы драмы, где она убивает самое себя. Необходимость правильно ставить новую драматургию — а это для театра еще важнее, чем для драматургии, — отступает на задний план из-за того, что театр может ставить все; он «театрализует» что угодно. Разумеется, этот примат имеет экономические причины.

Щиты и надписи

Щиты, на которые проецируются заголовки сцен, являются примитивной попыткой олитературивания театра. Олитературивание театра, как и вообще олитературивание всей общественной жизни, нужно всячески поощрять.

Олитературивание означает слияние «воплощенного» со «сформулированным» и дает театру возможность примкнуть к другим видам духовной деятельности. Однако оно остается односторонним до тех пор, пока

⁷ «*Nos hoc novimus esse nihil*» — «Мы-то знаем, что это — ничто» (лат.).

публика не примет в нем участия и благодаря ему не поднимется на более высокий уровень.

С точки зрения канонов драматургии заголовки неприемлемы потому, что автор обязан воплотить все свои мысли в действии, что драма должна выразить все через себя самое. Это справедливо, если считать, что зритель размышляет не над увиденным, а в рамках увиденного. Но такое стремление подчинить все одной идее, взнудать зрителя прямолинейной динамикой, не давая ему глядеть ни влево, ни вправо, ни вверх, ни вниз, — такое стремление новая драматургия отвергает. В драматургию также нужно вводить ссылки и примечания.

Нужно приучаться к комплексному видению. Мысли зрителя о ходе действия, пожалуй, даже важнее, чем мысли по ходу действия. Кроме того, щиты диктуют и делают возможным новый стиль актерской игры. Это *эпический стиль*. Читая надписи на щитах, зритель внутренне принимает позу спокойно покуривающего наблюдателя. Такая поза сама по себе требует более искусной, более благопристойной игры, ибо всякая попытка «загипнотизировать» хладнокровно курящего и, следовательно, достаточно занятого собой человека безусловно обречена на провал. Очень скоро в зрительном зале было бы полно специалистов, как полно их в спортивных залах и на стадионах. Актеры не отважились бы выйти к таким людям, имея за душой только ту жалкую порцию мимики, которую они сегодня кое-как, без раздумий, сколачивают после двух-трех репетиций! У них не нашлось бы потребителя на такой сырой, необработанный материал. Им пришлось бы искать совершенно иных средств, чтобы события, указанные в заголовках и, следовательно, уже лишенные сюжетной сенсационности, привлекли к себе внимание зрителя.

К сожалению, приходится опасаться, что заголовков и разрешения курить еще недостаточно, чтобы сделать посещение театра более плодотворным занятием.

Главные действующие лица

Характер Джонатана Пичема ни в коем случае нельзя сводить к ходячей формуле «скряга». Деньги он ни во что не ставит. Сомневаясь во всем, что будит какие-либо надежды, он считает и деньги далеко не достаточным средством защиты. Конечно, он негодяй и злодей, злодей в понимании старого театра. Его преступление состоит в его взглядах на жизнь. Эти взгляды настолько отвратительны, что достойны сопоставления с делами любого другого великого преступника, и все-таки, рассматривая нищету как товар,

Пичем только следует «духу времени». Скажем конкретнее: деньги, которые он берет у Филча в первой сцене, Пичем не станет запирать в несгораемый шкаф. Нет, он сунет их в карман брюк: ни эти деньги, ни любые другие его не спасут. Но выбросить их у него рука не поднимется, и это только доказательство его глубокой безнадежности: он не может позволить себе ничего выбросить. Точно так же он отнесся бы и к миллиону шиллингов. Он уверен, что ни его деньги (ни все деньги на свете), ни его ум (ни все умы на свете) все равно ничему не помогут. По этой же причине он и не работает, а расхаживает по своей лавке, не снимая шляпы и сунув руки в карманы: он следит только за тем, чтобы ничего не пропало. Кто по-настоящему напуган, тот не станет работать. Если он прикрепляет Библию цепочкой к конторке, чтобы ее не украли, то это вовсе не мелочность с его стороны. Своего зятя он впервые видит только после того, как отправил его на виселицу. И это не случайно: личные качества человека, отнявшего у него дочь, не играют для Пичема никакой роли. Прочие преступления Мэкки-Ножа интересуют Пичема лишь постольку, поскольку они дают возможность устранить этого человека. Что касается его дочери, то она, как и Библия, для Пичема всего-навсего вспомогательное средство. И это скорее потрясает, чем отталкивает: какова должна быть степень отчаяния, если из всего сущего ценится лишь то небольшое, что может спасти от гибели!

Исполнительнице роли Полли Пичем полезно изучить эту характеристику господина Пичема: Полли его дочь.

Разбойника Макхита актер должен представить как явление буржуазного общества. Пристрастие буржуа к разбойникам объясняется заблуждением: разбойник, дескать, не буржуа. Это заблуждение порождено другим заблуждением: буржуа — не разбойник. Так что же, значит, между ними нет никакой разницы? Нет, есть. Разбойник иногда не трус. С буржуа театр обычно ассоциирует «миролюбие». Эта ассоциация сохраняется и здесь: делец Макхит испытывает отвращение к кровопролитию, если только кровопролитие не необходимо для успеха дела. Сведение кровопролития к минимуму, его рационализация — это деловой принцип; когда нужно, господин Макхит показывает высокий класс фехтовального искусства. Он знает, к чему его обязывает слава: известная доля романтики, выставляемая им напоказ, служит именно вышеупомянутой рационализации. Он строго следит за тем, чтобы все дерзкие или хотя бы нагоняющие страх дела его подчиненных приписывались ему самому. Он подобен профессору, который не терпит, чтобы его ассистенты сами подписывали свои работы. Женщинам он импонирует не красотой, а положением и средствами. Английские рисунки к «Опере нищих» первых изданий изображают его приземистым, коренастым, не лишенным достоинства

человеком лет сорока с лысоватой, похожей на редьку головой. Начисто лишенный чувства юмора, он держится чрезвычайно степенно. Солидность Мака проявляется уже в том, что его деловое рвение направлено не столько на ограбление посторонних лиц, сколько на эксплуатацию своих служащих. С блюстителями общественного порядка он, хотя это и сопряжено с расходами, поддерживает хорошие отношения. Он делает это не только ради собственной безопасности; практическое чутье говорит ему, что его безопасность и безопасность этого общества теснейшим образом связаны между собой. Посягательство на общественный порядок, вроде того, каким Пичем грозит полиции, внушило бы Макхиту глубочайшее отвращение. Допуская, что его связи с тарнбриджскими дамами предосудительны, Макхит убежден, что их вполне оправдывает специфика его дел. Верно, что этими чисто деловыми связями он при случае пользовался и для своего увеселения, однако как холостяк он имел на это право, разумеется, в известных пределах. Впрочем, что касается этой интимной стороны его жизни, то свои педантично регулярные посещения одного и того же тарнбриджского кафе он ценит прежде всего потому, что они стали у него *привычкой*. А уважать и умножать привычки — это, пожалуй, и есть главная цель его именно буржуазного существования.

Во всяком случае, исполнитель роли Макхита ни в коем случае не должен брать за исходную точку его образа эти посещения публичного дома. Они — не больше чем одно из многих иррациональных проявлений буржуазной стихии.

Свои сексуальные потребности Макхит, естественно, охотнее всего удовлетворяет там, где это можно совместить с радостями домашнего уюта, следовательно, с женщинами, в известной мере обеспеченными. Женитьба как бы пугает его предприятие. По роду своих занятий он вынужден время от времени отлучаться из столицы, а это беспокоит его лишь постольку, поскольку его служащие совершенно ненадежны. Заглядывая в будущее, он видит себя отнюдь не на виселице, а где-нибудь возле уютного и при этом своего собственного пруда, с удочкой в руках.

Шеф полиции Браун — явление в высшей степени современное. В нем совмещаются два лица: одно — для частной жизни, другое — для службы. Он живет не вопреки, а благодаря этому раздвоению. И вместе с ним благодаря этому раздвоению живет все общество. Как частное лицо он никогда не совершал бы поступков, которые как чиновник считает своей обязанностью. Как частное лицо он и мухи бы не обидел. Да и не пришлось бы ему никого обижать... Любовь его к Макхиту, следовательно, совершенно искренна, и известные материальные выгоды, которые она дает Брауну, не должны ставить эту любовь под сомнение: в том-то и дело, что жизнь пачкает все на свете...

Указания актерам

Что касается подачи материала, то зрителя не нужно заставлять «вживаться» в него. Просто между зрителем и актером устанавливается контакт, и при всей своей отчужденности и отдаленности от зрителя актер, в конечном счете, обращается непосредственно к нему. При этом актер должен рассказать зрителю о данном персонаже больше, чем «написано в его роли». Конечно, актер должен найти тот тон, который наиболее удобен для событий, входящих в фабулу пьесы. Однако он обязан иметь в виду и события, не входящие в фабулу, то есть работать не только на фабулу. Например, в любовной сцене с Макхитом Полли не только возлюбленная Макхита, но и дочь Пичема; и не только дочь, но и служащая своего отца. В основе ее отношения к зрителю должна лежать ее критика общепринятых представлений о невестах разбойников и купеческих дочерях и т. п.

1. Не следует изображать этих бандитов шайкой апашей, которые слоняются по злочным местам и с которыми порядочный человек и кружки пива не выпьет. Это спокойные люди, иные из них даже склонны к полноте. Вне сферы своих деловых интересов все они как один — люди вполне обходительные. (Стр. 177).
2. Актеры могут показать здесь полезность буржуазных добродетелей и тесную связь между сердечностью и плутовством. (Стр. 177).
3. Нужно показать, какая глубокая бесцеремонность требуется от человека, если он хочет создать условия, в которых возможно вести себя так, как подобает (в данном случае — как подобает жениху). (Стр. 178).
4. Выставить невесту напоказ, подчеркнуть ее пышные формы. Сейчас она окончательно забронирована за женихом. Показать, что, хотя предложение уже исчерпано, спрос еще существует. Невеста вызывает всеобщее вожделение, жених, так сказать, «обошел» конкурентов. Речь идет, таким образом, о чисто театральном эффекте. Показать также, что невеста очень мало ест. Часто видишь, как хрупкое, небесное создание уписывает в один присест целую курицу или целую рыбу. Невесты никогда так не поступают. (Стр. 179).
5. Показывая заведение Пичема, актеры не должны чрезмерно заботиться об обычном *движении действия*. Но, конечно, зрителю нужно дать не антураж, а события, поступки. Актер, играющий одного из нищих, должен так выбирать подходящий протез (он осматривает одну деревяшку, потом другую, потом снова возвращается к первой), чтобы ради одной этой сцены людям захотелось

еще раз прийти в театр. Пускай они и придут как раз к ее началу: почему не поставить на заднем плане щит с ее заглавием? (Стр. 194).

6. Очень желательно, чтобы Полли Пичем была воспринята зрителем как добродетельная и привлекательная девушка. Если во второй сцене она доказала, что способна на чуждую всякого расчета любовь, то здесь она демонстрирует ту практичность, без которой эта любовь показалась бы простым легкомыслием. (Стр. 201).

7. Никто не мешает этим дамам пользоваться их средствами производства. Но именно поэтому у зрителя не должно создаваться впечатления, что они свободны. Им демократия не предоставляет той свободы, которую она предоставляет каждому, чьи средства производства могут быть отняты. (Стр. 206).

8. Исполнители роли Макхита, без всяких затруднений изображающие его отчаянную борьбу за жизнь, обычно отказываются петь третью строфу. Трагической интерпретации половой проблемы они, разумеется, не отвергли бы. Но в наше время эта проблема относится, несомненно, к области комической, ибо половая жизнь находится в противоречии с общественной жизнью. Это противоречие комично потому, что оно исторично, то есть может быть разрешено другим общественным строем. Поэтому данную балладу нужно исполнять на комический лад. Изображение половой жизни на сцене очень важно уже потому, что здесь сразу выступает наружу некий примитивный материализм. Искусственный и преходящий характер всех общественных надстроек сразу становится очевиден. (Стр. 208).

9. Эта баллада, как и другие баллады «Трехгрршовой оперы», содержит несколько стихов Франсуа Вийона в переводе К. Л. Аммера. Актеру полезно познакомиться с аммеровским переводом, чтобы понять разницу между балладой для чтения и балладой для пения. (Стр. 212).

10. Эта сцена вставлена для тех исполнительниц роли Полли Пичем, которые обладают комедийным даром. (Стр. 231).

11. Кружа по клетке, актер, играющий Макхита, может повторить здесь все разновидности походки, продемонстрированные им до сих пор: наглую походку соблазнителя, неверные шаги затравленного человека, самоуверенную, осторожную походку и т. д. Во время этой короткой сцены можно еще раз показать все позы Макхита за те несколько дней, которые длится действие. (Стр. 235).

12. Играя это место, актер эпического театра не станет акцентировать смертельный страх Макхита и строить на таком акценте действие. Это значило бы отказаться от следующего далее изображения *истинной* дружбы. (Истинная дружба истинна ведь только тогда, когда она имеет свои границы. Моральную победу обоих истинных друзей господина Макхита едва ли умаляет позднейшее их поражение, когда они *не слишком* торопятся расстаться со своими средствами к существованию ради спасения своего друга.) (Стр. 236).

13. Может быть, актер изыщет способ показать здесь следующее: у Макхита создано совершенно верное впечатление, что в данном случае допущена вопиющая юридическая ошибка. В самом деле, ведь если бы *бандиты* оказывались жертвами юстиции чаще, чем это имеет место, юстиция окончательно лишилась бы своего авторитета! (Стр. 239).

Об исполнении «сонгов»

Исполняя «сонги», актер меняет свою функцию. Нет отвратительнее зрелища, чем актер, притворяющийся, будто он не замечает, что покинул почву обыденной, прозаической речи и уже поет. Существуют три плоскости: обыденная речь, торжественная речь и пение. Эти плоскости необходимо отделять друг от друга. Торжественная речь ни в коем случае не должна быть приподнятой обыденной речью, а пение — приподнятой торжественной речью. Следовательно, пение включается в действие вовсе не потому, что от избытка чувств не хватает слов. Актер должен не только петь, но и изображать поющего человека. Он не акцентирует эмоционального содержания своей песни (можно ли предложить другому кушанье, которое ты уже съел сам?), а демонстрирует жесты, являющиеся, так сказать, обычаями и нравами тела. Поэтому, репетируя, лучше всего пользоваться не словами текста, а ходячими, вульгарными оборотами, выражающими примерно то же самое, но развязным, обиходным языком. Что касается мелодии, то ей не нужно следовать слепо: существует манера говорить, вопреки музыке, дающая подчас очень большой эффект. Секрет этого эффекта — упорная, не считающаяся с музыкой и ритмом, неподкупная трезвость. Если же речь актера входит в русло мелодии, это должно восприниматься как событие. Чтобы подчеркнуть это, актер может намеренно не скрывать от публики удовольствия, доставляемого ему мелодией. Актер только выиграет, если во время его пения публике будут видны музыканты или если ему разрешат проделать некоторые приготовления

к пению на глазах у зрителя (скажем, подвинуть стул, нарочно подгримироваться и т. п.). Особенно важно в пении, чтобы «показывающий показывал себя».

Почему два ареста Макхита, а не один?

С точки зрения немецкой псевдоклассики первая сцена в тюрьме *оттяжка*, с нашей же точки зрения — пример примитивной эпической формы. Эту сцену действительно можно назвать оттяжкой, если, следуя правилу чисто динамической драмы, отстаивать примат идеи и подводить зрителя ко все более и более ясной для него цели — в данном случае к *смерти героя*, если, так сказать, создавать каждым новым предложением все больший и больший спрос и, добиваясь от зрителя максимума эмоционального участия — чувства любят надежные плацдармы и не терпят разочарований, — навязывать действию прямую линию. *Эпическая же драматургия, придерживающаяся материалистической установки* и вовсе не заинтересованная в возбуждении эмоций зрителя, не преследует, собственно, никакой цели, а признает только конец и дает иное развитие действия — не только по прямой, но и по кривым и даже скачками. Динамическая, идеалистическая по своим установкам драматургия, объектом которой является индивидуум, была в начале своего пути (у елизаветинцев) гораздо радикальнее — радикальнее по всем решающим для драматургии пунктам, — чем двести лет спустя, в эпоху немецкой псевдоклассики, спутавшей динамику изображения с динамикой изображаемого и «прилизавшей» свой объект-индивидуум. (Сегодня эпигонов этих эпигонов уже не встретишь: динамика изображения успела выродиться в эмпирически полученное хитроумное сплетение эффектов, а индивидуум, находящийся в состоянии полного распада, все еще склеивается, но уже из отдельных ролей. Что касается позднего буржуазного романа, то он по крайней мере разработал психологию, полагая, что можно анализировать давно распавшийся на куски индивидуум.) Однако эта великая драматургия была менее радикальна в искоренении материи, схема не устраняла здесь отклонений индивидуума от прямой линии, отклонений, «вызываемых жизнью» (к тому же из поля зрения не ускользали и внешние, «не представленные на сцене» обстоятельства, и жизнь охватывалась гораздо шире). Эти отклонения служили двигателями действия. Внешнее раздражение проникает в самую глубину индивидуума и здесь преодолевается. Вся сила этой драматургии в нагнетании противодействий. Стремление к дешевой схеме еще отнюдь не определяет организации материала. Еще живо нечто от

бэконовского материализма, да и сам индивидуум, не лишившийся еще плоти и крови, сопротивляется формуле. А везде, где налицо материализм, в драматургии возникают эпические формы, особенно в области комического, которое по природе своей наиболее материалистично и «низко». Сегодня, когда человека следует воспринимать как «совокупность всех общественных отношений», эпическая форма является единственной, способной охватить процессы, дающие драматургии материал для широкой картины жизни. И человека, живого человека можно показать только через процессы, среди которых и благодаря которым он существует. Новая драматургия, следуя своей методологии, должна распространить «опыт» и на форму. Она должна использовать все существующие в жизни связи, ей нужна статика. Драматическая напряженность создается разноименно «заряженными» подробностями. (Таким образом, эта форма не имеет ничего общего с простым чередованием эпизодов в обозрении).

Почему королевский вестник появляется верхом?

«Трехгрошовая опера» изображает буржуазное общество (а не только «люмпен-пролетарские элементы»). Буржуазное общество создало буржуазное мироустройство, а значит, и вполне определенное мировоззрение, без которого это общество не может обойтись. Когда буржуазия смотрит изображение своей жизни, появление конного вестника короля совершенно необходимо. Господин Пичем, наживающийся на нечистой совести общества, несет ту же функцию, что и конный вестник. Пускай же практические работники театра подумают, почему не может быть ничего глупее, чем лишить королевского вестника коня, как это сделали почти все модернистские постановщики «Трехгрошовой оперы». Ведь ставя, например, пьесу о судебной ошибке, театр выполнит свой долг перед буржуазным обществом несомненно только в том случае, если журналиста, доказывающего невиновность казненного, доставит в зал суда лебедь. Неужели не очевидна бестактность тех, кто, выставляя на посмешище появление королевского вестника, учит публику смеяться над самой собой? Если бы конный вестник в той или иной форме не появлялся, буржуазная литература скатилась бы к простому изображению условий существования. Конный гонец обеспечивает полное удовольствие от созерцания вообще-то невозможных условий и является поэтому *conditio sine qua non*⁸ для литературы, чье *conditio sine qua non* — непоследовательность.

⁸ *Conditio sine qua non* — необходимое условие (лат.).

Третий финал, разумеется, следует играть совершенно серьезно и чинно.

Комментарии

Пьеса написана в 1928 г. Годом позже, в 1929 г., вышел сборник «Сонги из Трехгрошовой оперы» (Берлин). Полный текст пьесы был напечатан в 1931 г. вместе со сценарием «Шишка» и материалами судебного процесса о «Трехгрошовом фильме».

На русский язык пьеса была переведена в 1928 г. Львом Микулиным и Вадимом Шершеневичем для Камерного театра. Перевод автора этих строк поставлен Ленинградским театром им. Ленинского комсомола в 1963 г. Настоящий перевод С. Апта впервые напечатан издательством «Искусство» в 1958 г. отдельной книжкой.

Пьеса Брехта представляет собой переделку «Оперы нищих» английского драматурга Джона Гэя (1685–1732), написанной и поставленной ровно за двести лет до Брехта, в 1728 г. «Опера нищих» была пародией на оперы Генделя и в то же время сатирой на современную Гэю Англию. Сюжет ее подсказан Гэю Джонатаном Свифтом. Пьесу Гэя перевела для Брехта его сотрудница по многим пьесам Элизабет Гауптман. Брехт почти не изменил внешнего сюжета «Оперы нищих». Все же переработка оказалась очень существенной. У Гэя Пичем ловкий предприниматель, а Макхит — благородный разбойник. У Брехта оба они буржуа и предприниматели, деятельность которых, по существу, одинакова, несмотря на формальные различия. Прототипами Макхита у Гэя послужили знаменитые воры XVIII в. Джонатан Уайльд и Джек Шеппард, нищие, бездомные бродяги, отличавшиеся ловкостью, жестокостью, но и своеобразным душевным величием. Макхит у Брехта — буржуа-работодатель, думающий только о коммерческих выгодах своих разбойничьих предприятий. Даже несчастья Макхита вызваны не темпераментом, увлеченностью, страстностью, а присущей ему, как и всякому буржуа, приверженностью к своим повседневным привычкам.

Один из исследователей драматургии Брехта справедливо замечает: «Если Гэй в „Опере нищих“ бичует открытый обман как новый тип жизненных отношений, то Брехт в „Трехгрошовой опере“ нападает на обман, санкционированный „легальными“ методами» (Вернер Гехт, Обработка или переработка, — о

«Трехгрошовой опере» и ее прототипе — «Theater der Zeit», 1958, № 7, Studien, S. 17).

Гэй критикует английские порядки XVIII в. с точки зрения аристократической партии тори, то есть с консервативной позиции дворянства, враждебно относящегося к новым общественным отношениям, порожденным развивавшимся в Англии капитализмом. Критика Брехта ведется с позиций революционных. Действие пьесы Гэя происходит в начале XVIII в.; Брехт переносит его на сто лет позднее, в викторианскую Англию, — сам он объясняет это так: «О викторианской Англии зритель кое-что знает, и в то же время она достаточно удалена, чтобы о ней можно было критически судить с порядочного расстояния».

Позднее Брехт пишет по материалам своей пьесы киносценарий «Шишка» и книгу «Трехгрошовый роман», где переносит действие в XX век, и в соответствии с этим изменением перестраивает сюжет.

По сравнению с «Оперой нищих» Джона Гэя Брехт прибавил двух новых персонажей: Брауна, шефа лондонской полиции (у Гэя — тюремный надзиратель Локит), и священника Кимбла. Введение обеих этих ролей привело к серьезным изменениям в сюжете пьесы и ее внутренней структуры.

Премьера состоялась в Берлинском театре на Шиффбауэрдамм 31 августа 1928 г. Музыка к сонгам написал Курт Вейль. Режиссер — Эрих Энгель, художник — Каспар Неер, который в оформлении спектакля использовал найденные им прежде приемы (низкий занавес, щиты с надписями). По обе стороны сцены были установлены холщовые экраны, на которых появлялось название исполняемого сонга. В глубине сцены стоял орган, как бы напоминавший зрителю о пышной академической опере, которую пародировала пьеса Брехта; во время исполнения сонгов на орган направлялись цветные прожекторы, а сцена освещалась золотистым светом.

Роль Макхита исполнял Гаральд Паульзен, Пичема — известный по выступлениям в Дюссельдорфе и Дрездене провинциальный комик Эрих Понто, Селии Пичем — Роза Валетти.

Спектакль имел шумный успех, в прессе различных направлений разгорелась полемика. Однако большинство критиков приняло спектакль одобрительно, а рецензент «Das Tagebuch» Стефан Гросман даже восторженно: «Брехт наконец победил» — так озаглавил он свою статью о «Трехгрошовой опере». Критик журнала «Das Theater» Кюршнер оценил успех ансамбля как «самый сенсационный успех сезона» («Das Theater», 1928, сентябрь, № 1).

На следующий год, весной 1929 г., спектакль был возобновлен в том же театре при новом составе исполнителей: Макхит — Герман Тимиг, Пичем — Леонард Штекель, Браун — Лейбельт. Однако, по мнению критиков, в центре спектакля на этот раз оказалась исполнительница роли Полли Пичем — Карола Нер. Рецензент Герберт Иеринг писал 13 мая 1929 г.: «...волшебное смешение иронии и серьезности, абсолютное единство стиля и выразительности, благородства и отчужденности» (Herbert Ihering, Von Reinhardt bis Brecht, Band II. Berlin, Aufbau-Verlag, 1959, S. 415).

Советский режиссер А. Я. Таиров, увидев спектакль, высоко оценил его и отметил его связь с традицией советского театра — по-видимому, он имел в виду влияние, которое Эрих Энгель испытал со стороны творчества Е. Вахтангова и Вс. Мейерхольда. В октябре 1928 г. А. Таиров говорил корреспонденту газеты «Жизнь искусства»: «Будучи в Берлине, я ознакомился с новыми постановками, я смотрел интересный спектакль „Трехгрошовая опера“». Постановщик — молодой немецкий режиссер Энгель — хоть и не блеснул новыми откровениями, но тактично сумел использовать приемы современного русского театра» (Беседа с А. Я. Таировым. — «Жизнь искусства», 1928, № 40, октябрь).

Началось триумфальное шествие «Трехгрошовой оперы» по сценам Германии, а затем и многих других стран.

Назовем наиболее значительные спектакли.

Лейпциг. «Альтес театер», декабрь 1928 г. Роли исполняли: Макхита Роберт Мейн, Пичема — Эберхарт Зидель, Селии Пичем — Мартина Отто, Полли Лина Карстенс.

Мюнхен. Премьера в театре «Каммершпиле» состоялась 20 июля 1929 г. Режиссер — Ганс Швейкарт. Спектакль пользовался настолько большим успехом, что за четырнадцать месяцев был сыгран сто раз. Вокруг мюнхенского спектакля разгорелась особенно интенсивная борьба в прессе. Буржуазные журналисты неистовствовали. Вот что писал один из них в газете «Das Tageblatt»:

«Все, без исключения все, здесь растоптано, осквернено, попрано, начиная от Библии и духовенства вплоть до полиции и вообще всех властей... Хорошо, что при исполнении некоторых баллад не все можно было расслышать» («Das Tageblatt», 1929, 24 июля). Другой не скрывал своей классовой враждебности и омерзения: «Бrecht и Вейль... полны большевистской одержимости. В этом кругу преступников и шлюх, где говорят на языке клоак, возрождающем

темные и порочные мысли, и где основу существования составляет извращение полового инстинкта, — в этом кругу топчут все, что хотя бы в отдаленной степени напоминает о нравственных законах, — даже Библия служит здесь источником цитат для оправдания преступной аморальности. Вотще стали бы мы искать в этой драматургической трясине глубоких побуждений человеческого сердца... В заключительном хоре актеры как бешеные орут: „Сначала хлеб, а нравственность потом“... Тьфу, черт! Нашим несчастным артистам-каммершпильцам пришлось потерять немало времени на возню с настоящим козлиным дерьмом. Единственным итогом их глубоко постыдной работы было бы наше искреннее соболезнование, — если бы мы не испытывали отвращения к этой грязной поделке» («Reinisch-Westfälische Rundschau» 1929, 25 июня). Им ответил блестящий поэт и публицист Курт Тухольский, заявивший в статье «Протесты против „Трехгрошовой оперы“», что на комедию Брехта нападают люди, ненавидящие все новое, да и вообще все — «социализм, евреев, Россию, пацифизм, отмену 218 параграфа⁹, нападки на их нравственность и на их коммерцию, народ, повседневную жизнь» («Weltbühne», 1930, 3 апреля, стр. 557).

Для постановки в Кельне текст «Трехгрошовой оперы» отредактировал сам Конрад Аденауэр, тогдашний кельнский бургомистр, — он безуспешно стремился приспособить пьесу к требованиям католической морали.

Спектакль в чопорно-академическом театре «Кельнер Шаушпильхаус» поставил консервативный режиссер Альфонс Гордарт. Роль Макхита исполнял Сергиус Сакс, Пичема — Уммингер, Селии Пичем — Эльза Баумбах, Полли — Теа Кастен, Люси — Вестерман. В 1931 г. был снят фильм «Трехгрошова опера», для которого, вопреки воле Брехта, написанный им сценарий был переработан и ослаблен. В сценарном варианте Брехт дал Макхиту возвыситься до поста директора Национального банка. Кинокомпания «Неро» отвергла эти добавления, Брехт подал на нее в суд и, проиграв процесс, вскоре опубликовал все его материалы, разоблачавшие пристрастных буржуазных судей.

Фильм «Трехгрошова опера» вышел на экраны 19 февраля 1931 г. Режиссер — Г. В. Пабст. Макхит — Рудольф Форстер, Полли — Карола Неер, Браун — Рейнгольд Шюнцель, Пичем — Фриц Расп, Селия Пичем — Валеска Гарт. Роль пастора Кимбла исполнял Герман Тимиг, игравший в театре во втором составе

⁹ ...отмену 218 параграфа — отменив 218 параграф конституции, правительство Веймарской республики запретило аборты. (Прим. ред.)

Макхита (сменив Гаральда Паульзена). Уличным певцом был Эрнст Буш, а проституткой Дженни — Лотта Ленья.

Близкая к Брехту современная критика считала фильм крайне неудачным. Так, Г. Иеринг писал в рецензии 20 февраля 1931 г.: «Пьеса Брехта и Вейля во сто раз больше звуковой фильм, чем этот монументальный окорок... Этот фильм — это как раз то, против чего написана „Трехгрошовая опера“: пышность оформления, перегруженность... В театре: прыжок в окно, и Макхит в руках полиции. В фильме: дальний обходной путь, беготня, лазанье по крышам, ползание. Все то, чему Брехт в „Трехгрошовой опере“ научился у американского кино, оказалось забытым Пабстом, который вернулся к обстоятельной, пустопорожней театральности. Хорошо, что нам показали этот фильм. Теперь мы знаем, чего достиг театр. Мы знаем, в каком направлении пойдет его развитие» (H. Ihering, *Von Reinhardt bis Brecht, Band III (1930–1932)*, Berlin, Aufbau-Verlag, 1961, S. 334–335).

В годы фашизма «Трехгрошовая опера» была запрещена, как и все произведения Брехта. Даже грамофонные пластинки с исполнением баллад из «Оперы» были уничтожены. Лишь случайно в Кельне сохранилось четыре экземпляра пластинок, напетых упомянутыми выше Лоттой Ленья и Каролой Неер.

В Германской Демократической Республике «Трехгрошовая опера» была поставлена к 60-летию Брехта, в сезон 1957/58 г. в Мейнингенском театре (режиссер — Фриц Бенневиц, художник — Вилли Релинг). Спектакль пользовался большим успехом.

Назовем несколько значительных послевоенных постановок «Трехгрошовой оперы» в Германии.

Берлин, театр им. Геббеля, 1946 г. Макхит — Губерт фон Мейринк, Люси — Рома Бан, Полли — Рева Хольсей, Браун — Ганс Лейбельт, Пичем — Иозеф Зибер, Селия Пичем — Кате Кюль.

Как видно из этого списка, среди состава исполнителей двое из участников премьер 1928–1929 гг. — Бан и Лейбельт.

Мюнхен, «Каммершпиле», 1949 г. Режиссер — Гарри Буквиц. В ролях: Макхита — Ганс Альберс, Полли — Мария Никлиш. Для этой постановки Брехт написал новый вариант сонгов, придав им актуальный антифашистский и антиимпериалистический смысл.

Гамбург, «Каммершпиле», 1954 г. Режиссер — Ренато Мордо, художник Гейнц Гофман. В ролях: Макхита — Отто Кульман, Селии Пичем — знаменитая Ида

Эре, Полли — Анна Геллинг. Исполнитель Макхита, по наблюдению критика, «довел до абсурда пожелание Брехта, чтобы воры были похожи на буржуа».

Бохум, апрель 1957 г. Режиссер — Шалла, художник — Макс Фриче, костюмы — Тереза ван Треек. В ролях: Макхита — Ганс Мессемер, Полли — Розель Шефер, Пичема — Петер Пробст, Селии Пичем — Труде Хайек, Брауна — Манфред Гейдман. Этот спектакль, яркий и неожиданный по оформлению, блистательный по игре актеров, имел большой успех как в Германии, так и во Франции, где театр гастролировал весной 1957 г. Характерно, что правительство ФРГ отказалось помочь театру субсидией, заявив, что пьеса Брехта в настоящее время не представляет интереса, — это заявление вызвало бурный протест в немецкой демократической печати.

В ГДР «Трехгрошовая опера» играется охотно как профессиональными театрами, так и самодеятельными коллективами. За последние годы ее поставили театры следующих городов: Дрезден (1958), Мейнинген (1958/59), Эрфурт (1968), Росток, Лейпциг (1959/60), Берлин (1960/62), Герлиц (1961), Веймар (1961), Магдебург, Веймар, Потсдам, Плауен (1962).

«Трехгрошовая опера» была поставлена во множестве театров и за пределами Германии. Ниже приводится лишь несколько стран.

Франция. В 1929 г. в «Театр Монпарнас» Гастон Бати поставил «Трехгрошовую оперу», придав всему спектаклю мистический колорит. Да и текст был смягчен в переводе Мопре, привыкшего переводить оперетты Легара. В 1937 г. — в «Театр де л'Этуаль»; режиссер — Ауфрихт, художник — Эжен Берман; в ролях: Макхита — Раймон Рулло, Селии Пичем — известная эстрадная певица Иветта Гильбер. Несмотря на участие самого Брехта, приехавшего из Швеции, спектакль не удался. В третий раз «Опера» была поставлена в «Театр де л'Ампир» как банальная оперетта. Единственным выдающимся актерским достижением было исполнение роли Селии Пичем Франсуазой Розэй. Роль Полли исполняла певица итальянской школы Чутти, а Макхита играл Поль Перес, который, по отзывам рецензентов, был больше похож на графа Люксембургского, чем на героя брехтовской пьесы.

Режиссер Андрей Андреев поставил в 1931 г. французский вариант фильма «Трехгрошовая опера», использовав павильоны и декорации, в которых снимал свою ленту Пабст. Макхита играл Альбер Прежан, Полли — Одетта Флорель.

Италия. В 1955 г. Джорджио Штрелер при участии известного немецкого художника Тео Отто поставил в Риме «Оперу», в ролях которой выступали: Тино Карраро — Макхит, Мария Бонфильи — Полли. По мнению критики,

исполнители впали в карикатурность, не поднявшись до брехтовской сатиры. В 1958 г. состоялась премьера в Милане, для которой Брехт написал специальный пролог и новый заключительный хорал. Этим спектаклем Брехт был очень доволен и считал его наиболее адекватным пьесе после берлинского.

Англия. Подлинный успех «Трехгрошовая опера» имела в 1956 г., когда ее поставил «Ройял Коурт Тиэтр». В этом спектакле участвовали: англичане Билл Оуз — Макхит, Дафне Андерсон — Полли, французенка Мари Ремюза — Дженни, немец Польман — Пичем. Художником был Каспар Неер, режиссером — Сэм Венемекер.

Польша. Режиссером «Оперы» в начале тридцатых годов здесь выступил Леон Шиллер. В 1958 г. спектакль был возобновлен — его поставил ученик Брехта, молодой режиссер Конрад Свилярский, проходивший практику в «Берлинском ансамбле». В 1955 г. «Трехгрошовую оперу» с успехом играли во Вроцлаве (режиссер Якоб Ротбаум).

Чехословакия. В 1934 г. «Трехгрошовую оперу» поставил Эмиль Франтишек Буриан, знаменитый основатель театра «Д-34». Спектакль пользовался огромным успехом. Буриан изменил финал пьесы и ввел новый персонаж — уличного певца, выступающего в роли критика как пьесы, так и самого общества. Буриан использовал в этой постановке свой принцип вмешательства Ведущего в ход действия, а также ввел выступление хора в финале спектакля. Через двадцать лет после первой постановки театр «Д-34» вернулся к «Трехгрошовой опере», усилив ее критическую направленность. Пьеса, поставленная в 1956 г., была снова значительно пересмотрена и обработана Бурианом. Режиссером спектакля 1956 г. выступил Буриан, художником — Зденек Россман. Главные роли исполняли: Макхита — Отакар Броусек, Пичема — Карел Линц, Селии Пичем — Зузана Кочова, Полли — Виола Зинкова, Брауна — Феиикс Ле Бре, Люси — Либуше Гавелкова, Дженни — Ружена Похова, Ведущего — Иозеф Козак, Уличного певца — Франтишек Голар.

Советский Союз. Выше приводился отзыв А. Я. Таирова о берлинском спектакле. Год спустя, летом 1929 г., А. Таиров начал работу над «Трехгрошовой оперой» в руководимом им Московском Камерном театре. Замысел спектакля отчетливо сформулирован Таировым в статье «Пути Камерного театра»: «Новая постановка „Трехгрошовой оперетты“ Брехта — Вейля продолжает нашу линию музыкально-сатирической буффонады. Основной сатирический стержень пьесы заключается в том, что бандиты на большой дороге и бандиты, восседающие в роскошных хоробах и бюро, — по существу, идентичны и отличаются главным

образом костюмом и манерой держать себя. На этой основе развивается стремительное действие, неизбежно рождающее ряд самых неожиданных *квипрокво*¹⁰, являющихся комическими углами спектакля» («Новый зритель», 1929, 8 сентября).

Премьера состоялась в конце января 1930 г. Спектакль ставили А. Таиров и Л. Лукьянов, оформляли художники братья Стенберги. Роли исполняли: Макхита — Ю. Хмельницкий, Пичема — Л. Фенин, Селии Пичем — Е. Уварова, Полли — Л. Назарова, Дженни — Н. Ефрон, Люси — Е. Толубеева, Брауна — И. Аркадин.

Зритель горячо принимал яркий, талантливый спектакль, тогда как некоторые театральные критики выражали недовольство и недоумение. Отдельные статьи свидетельствовали об эстетической узости и своеобразном сектантстве. Так, С. Чемоданов писал: «...Зрителю показывается „дно“ современного Лондона: воры, мошенники, проститутки. Тут же представители власти и церкви, начальник полиции и пастор, поддерживающий контакт с этим дном. Картина, вообще говоря, отвратительная... Кому все это нужно?.. в пьесе полная идеологическая неразбериха... В пьесе нет и намек на третью силу, которую можно и нужно было противопоставить миру бандитов и мошенников» («Известия ВЦИК», 1930, 16 февраля).

Критику С. Чемоданову вторил рецензент К. Корчмарев, писавший в журнале РАБИСа в статье под характерным издевательским названием «Импортный „цыпленок жареный“»: «О сюжете и идеологии говорить не приходится: их в этой пьесе вообще нет, и Камерный театр или „Общество защиты советского зрителя от западных новинок“ скоро, вероятно, объявит конкурс на изложение сюжета в связном виде» («Рабис», 1930, 17 февраля). Уровень своего непонимания как пьесы, так и спектакля К. Корчмарев показал, помимо прочего, в следующем заявлении: «...в театре нет ни одного актера, который бы умел петь лучше, чем полагается в драматическом театре. Иногда это раздражает, в других случаях вызывает смех...» В репетиционном зале у Брехта постоянно вывешивалось напоминание: «Петь строго воспрещается». Некоторые мастера бель канто портили брехтовские спектакли именно слишком искусным пением.

Наряду с такими отзывами можно привести ряд серьезных, обстоятельных критических разборов спектакля, высоко оценивающих пьесу, режиссерскую и оформительскую работу и игру актеров. Единодушно одобряя игру

¹⁰ *Qui pro quo* — одно вместо другого (подмена, например, символа)(лат.).

Ю. Хмельницкого, создавшего «пародийно-героический образ», рецензенты указывают на некоторую излишнюю гротесковость в исполнении Л. Фенина, недостаточно выразительно подчеркивающего ханжеский характер Пичема (В. Млечин, «Вечерняя Москва», 1930, 3 февраля). В целом, однако, критика и зрители сочли «Трехгрошовую оперу» спектаклем, достойно отметившим юбилей Камерного театра — его 15-летие. В 1930 г. Камерный театр показывал «Трехгрошовую оперу» во время гастролей в Аргентине. По воспоминаниям Ю. Хмельницкого, местные дворяне, когда на сцене демонстрировались слишком «грязные» эпизоды, покидали зал.

Е. Эткинд